

since $0 < \theta$ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Михаил Широкий

Старуха

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий
Старуха

«Автор»

2020

Широкий М.

Старуха / М. Широкий — «Автор», 2020

Иногда случается так, что человек является совсем не тем, кем кажется на первый взгляд. И невинная, безобидная с виду старушка, неведомо откуда объявившаяся по соседству, оказывается сущим исчадием ада. Приятели не уразумели это с самого начала – и жестоко поплатились за своё легкомыслие. Содержит нецензурную брань.

Михаил Широкий

Старуха

I

Выйдя за пределы школьного двора и попрощавшись с одноклассниками, Миша уже собрался было двинуться домой, как вдруг заметил на противоположной стороне улицы долговязого худощавого парня в синей футболке и спортивных штанах. Рядом с ним находился велосипед, прислонённый к росшему поблизости деревцу. По-видимому, парень поджидал кого-то, кто вот-вот должен был выйти из школьных ворот, так как внимательно присматривался к учащимся, поодиночке или группами покидавшим школьные пределы и рассеивавшимся в разные стороны.

Увидев наконец того, кого он ожидал, – а это был как раз Миша, – парень удовлетворённо тряхнул головой и приветственно помахал ему.

Миша, приметив знакомую фигуру, тоже слегка взмахнул рукой и, изменив направление своего движения, зашагал навстречу приятелю.

– Привет, Димон, – поздоровался он, пересёкши дорогу и приблизившись к товарищу, стоявшему со своим транспортом на неширокой, поросшей чахлой травкой полосе между тротуаром и проезжей частью. – Вот уж не ожидал. Каким это ветром тебя сюда занесло?

– Меня не ветер носит, а верный железный конь, – с улыбкой возразил Димон и нежно погладил упругое кожаное седло велосипеда. – На нём я куда угодно, хоть на край света, готов рвануть. Надёжная тачка, не подведёт.

Миша чуть усмехнулся и кинул беглый взгляд на Димонов велик – цвета морской волны, ухоженный, идеально чистый, без единой царапинки или пятнышка, ослепительно блестящий в ярком солнечном сиянии. Сразу было видно, что он являлся предметом особых забот и, наверное, предметом гордости своего хозяина, очевидно, не жалевшим усилий для поддержания «железного коня» в безупречном виде.

– В достоинствах твоей телеги я несколько не сомневаюсь, – не без иронии проговорил Миша, переводя взгляд с велосипеда на его счастливого обладателя. – Но думаю, ты явился сюда не для того, чтобы в очередной раз поведать мне о них.

Димон качнул головой и попытался придать своему лицу серьёзное выражение.

– Угадал, не для этого. Просто так, без веского повода, я б не прикатил сюда. И раз я тут, значит, есть причина. Важная причина.

– Ну и что там у тебя за причина? – поинтересовался Миша, немного заинтригованный многозначительным вступлением друга, но старавшийся не показывать этого и сохранявший на лице равнодушную, слегка насмешливую мину.

Но Димон не спешил с ответом. На его физиономии появилось таинственное, сосредоточенное, немного напряжённое выражение человека, собирающегося сообщить пребывающей в полнейшем неведении аудитории только ему одному известную, никому другому пока что не ведомую потрясающую новость.

– У нас во дворе – небольшое чепэ, – медленно, растягивая и подчёркивая слова, вымолвил он чуть погодя и снова умолк, точно опасаясь, что принесённая им ошеломляющая весть сорвётся у него с языка раньше времени и эффект от неё будет значительно ослаблен.

Миша приподнял левую бровь. Его показное безразличие стало уступать место потревоженному любопытству.

– Что там такое случилось?

Димон опять немного потянул время. Он снова любовно провёл ладонью по седлу велосипеда, окинул полупустую улицу быстрым взглядом, словно проверяя, нет ли поблизости посто-

ронних, после чего скрестил руки на груди, упёрся в собеседника пристальным, немигающим взглядом и, выдержав ещё одну выразительную паузу, отчётливо, с расстановкой произнёс:

– Добрая умерла!

После этого краткого сообщения обе Мишиных брови подскочили кверху, а на лице изобразилось искреннее удивление.

– Да иди ты! Серьёзно?

Достигший желаемого результата и крайне довольный этим, Димон, наслаждаясь впечатлением, которое произвела на друга оперативно доставленная им горячая новость, утвердительно тряхнул головой и для вящей убедительности рубанул воздух ребром ладони.

– Да. Информация точная, проверенная, из самого надёжного источника – от бабок-соседей. Так что можешь не сомневаться.

Однако, вопреки Димоновым уверениям, на Мишином лице наряду с изумлением было написано лёгкое недоверие.

– Странно... очень странно, – проговорил он, продолжая двигать густыми чёрными бровями. – Ведь совсем недавно, кажется, позавчера, я видел её во дворе...

– Значит, больше не увидишь, – вставил Димон, широко улыбаясь, как если бы речь шла о чём-то весёлом и забавном.

– Она сидела на лавке с другими старухами, – вспоминал Миша, пропустив мимо ушей реплику напарника. – И выглядела она, по-моему, нормально, как обычно. На умирающую, во всяком случае, совсем не была похожа.

Димон, немного задетый сомнением приятеля в достоверности принесённого им известия, хмыкнул и скривил губы в презрительной ухмылке.

– Ну, ничего странного тут нет. Всё как раз так очень естественно и закономерно. В том возрасте, в котором была наша Добрая, такие неприятности с людишками частенько случаются.

– Так-то оно так, – не очень твёрдо, будто всё ещё сомневаясь, промолвил Миша. – Но, согласишься, неожиданно. Она, конечно, была старуха, но довольно крепкая, бодрая, живая... порой даже слишком живая, – прибавил он с кривой усмешкой. – И на тот свет вроде совсем не собиралась. Казалось, будет жить до ста лет.

Димон фыркнул.

– Эх ты загнул. До ста! В наших широтах столько не живут. Целый ряд обстоятельств неблагоприятствует этому. Экология, отсталая медицина, низкий уровень соцзащиты... общая напряжённая, нервная атмосфера... ну и всё такое прочее.

Миша, однако, не переставал недоверчиво покачивать головой.

– Ну всё равно... неожиданно это как-то... Вроде бы ничто не предвещало.

Димон закатил глаза кверху и передразнил приятеля:

– Не предвещало! А ты что ж, думаешь, на физиономии у человека, которому недолго осталось, трупные пятна должны выступать прежде смерти? Ничё подобного. Часто бывает так, что человечек буквально пышет здоровьем и выглядит так, что хоть картину с него пиши. И кажется, что жить он будет, вот как ты говоришь, до ста лет...

Говоря это, Димон протянул руку к ближайшей к нему ветке соседнего деревца и сорвал с неё маленький зелёный листик. Повертел его немного между пальцами, чуть надорвал и уронил на землю.

– А человечешко этот, – продолжал он, глядя на то, как листик, перевернувшись в воздухе несколько раз, упал в траву у его ног, – несмотря на свой цветущий вид, в один прекрасный день внезапно раз – и отбрасывает коньки. И все потом гадают: как же так получилось, что тот, кто, как казалось, их всех переживёт, вдруг взял да и сыграл в ящик раньше всех?

Видимо, убеждённый такими глубокомысленными доводами, Миша согласно кивнул и со вздохом развёл руками.

– Ну что ж, померла так померла. Как говорится, пусть земля будет ей стекловатой... И ещё царство небесное.

Димон с сомнением качнул головой.

– Царство небесное? Ну это вряд ли.

– А, ну да, – будто только что вспомнив о чём-то известном им обоим, краем губ усмехнулся Миша.

После этого друзья ненадолго примолкли, глядя в разные стороны и думая каждый о своём. Миша хмуро, не слишком приязненно посматривал на высившееся поодаль серое трёхэтажное здание школы, утопавшее в пышной тёмно-зелёной растительности, испещрённой кое-где всё ещё яркими, но уже начинавшими понемногу блёкнуть цветами. Димонов же взор, гораздо более жизнерадостный и довольный, чаще всего останавливался на своём излюбленном объекте – новеньком сияющем велосипеде, которым он, казалось, никак не мог натешиться.

Вероятно, это зрелище навеяло на Димона приятные, духоподъёмные мысли, потому что его лицо озарилось улыбкой, а голос, когда он снова заговорил, был весёлым и звонким.

– Ну ладно, чёт застоялись мы тут с тобой, – прервал он затянувшееся безмолвие и легонько хлопнул по плечу немного пригорюнившегося друга. – Трогаемся. Время обеденное, и я совсем не прочь подкрепиться.

С этими словами он взялся за руль велосипеда и покатил его к тротуару. Оседлав своего «железного коня», обернулся к приятелю и указал ему на раму.

– Такси свободно. Плиз!

Миша, по-прежнему будто слегка опечаленный чем-то, вздохнув, уселся на любезно предложенное ему не слишком удобное, но вполне привычное, несколько не стеснявшее его сиденье.

Димон оттолкнулся ногой от невысокого узкого бордюра, отделявшего зелёную полосу от тротуара, и нажал на педали, понемногу набирая скорость.

– А чё это ты сник вдруг как-то? – поинтересовался он, обратив внимание на пасмурный вид напарника. – Тебя что, так расстроила кончина Доброй?

Миша сделал бодливый жест головой.

– Ну вот ещё, стану я из-за этой старой калоши расстраиваться! Туда ей и дорога.

– Я тоже так считаю, – поддержал Димон. – Но тогда в чём дело? Чё ты смурной такой? Двойку получил, что ли?

Миша не ответил. Насупился и подобрал губы, явно не выказывая желаний удовлетворять любопытство товарища.

А тот, искоса, с лукавым прищуром поглядывая на него, продолжал высказывать предположения:

– А может, ты влюбился? От этого вечно расстройства всякие, по себе знаю... Особенно когда без взаимности, – значительным тоном подчеркнул Димон.

Миша по-прежнему хранил молчание, как если бы то, что говорил приятель, совершенно не касалось его.

Но Димон не унимался. По-видимому, чрезвычайно увлечённый этой темой, он, уже не глядя на дорогу, а буравя вместо этого упорным, испытующим взглядом упорно не желавшего откровенничать друга, зудел, как назойливая муха, у него над ухом:

– Я давно уже стал замечать, что с тобой чёт не так. Что ты чуток не в своей тарелке. Месяц, если не два... Так чё там с тобой, колись уже?

Но Миша, очевидно, не собирался колотиться. Он лишь с задумчивым видом передёрнул плечами и, покосившись на спутника, с тонкой усмешкой промолвил:

– Ты на дорогу лучше смотри. Не отвлекайся.

Димон, поняв, что его натиск остался безрезультатным, тоже раздражённо дёрнул плечами, буркнул что-то себе под нос и быстрее завертел педалями.

Остаток пути спутники провели в угрюмом молчании, явно недовольные друг другом.

Спустя минуту-другую они уже были в своём дворе и катили по широкой асфальтированной дорожке, затенённой выстроившимися по правой её стороне высокими раскидистыми деревьями и усыпанной мелкими сухими веточками и листьями. Которая через несколько секунд привела их к большому деревянному сооружению, расположенному на самом краю двора, по соседству с высившейся чуть подале, совсем недавно возведённой девятиэтажкой. Это было старое, неизвестно кем и когда сооружённое, сложенное из почерневших, искривлённых, потрескавшихся от времени досок строение, объединявшее под своей крышей три сарая, один из которых, центральный, принадлежал Димону, являясь его главной резиденцией, летним стойлом его «железного коня» и штаб-квартирой возглавлявшейся им дворовой компании.

Пока Димон открывал дверь и загонял велосипед внутрь, Миша прохаживался поблизости, у подножия стоявших напротив сарая развесистых деревьев, покрывавших эту часть двора мягкой голубовато-серой тенью. Взгляд его некоторое время рассеянно блуждал вокруг, пока наконец не упёрся в ближайший подъезд соседнего трёхэтажного дома, у входа в который стояли две расположенные одна против другой лавочки с высокими, чуть покатыми спинками.

– Вот здесь я видел её в последний раз, – проговорил он, качнув головой в сторону лавок.

– Кого? – спросил Димон, запиравший в этот момент дверь сарая.

– Добрую, кого ж ещё. Она, как обычно, сидела там и балакала о чём-то с другими старухами.

– А-а, – протянул Димон, приблизившись к другу и обратив взгляд в том же направлении, куда смотрел тот. – Н-да, колоритная была бабулька. Такую нескоро забудешь. Нам будет её не хватать.

Затем они одновременно подняли глаза и задержали их на двух окнах на втором этаже, одно из которых было снабжено балконом. Это были окна квартиры скончавшейся старухи. Рамы в них были гнилые, трухлявые, державшиеся буквально на честном слове; стёкла – мутные, запылённые, в нескольких местах треснувшие; за ними едва виднелись мятые, выцветшие занавески, больше похожие на тряпки; а дальше, в глубине помещений, застыл плотный грязно-бурый сумрак. Хозяйка этого жилища умерла лишь накануне, а между тем, взглянув на эти окна, можно было подумать, что оно пустовало уже долгие годы.

– Нет, что ты там ни говори, а это всё-таки довольно странно, – промолвил Миша, не отводя взгляда от этих тёмных безжизненных окон, напоминавших два огромных незрячих глаза. – Ведь ещё позавчера была жива-здоровая. И вроде бы неплохо себя чувствовала.

– А сейчас чувствует себя просто превосходно, – мрачно пошутил Димон.

– Да, уж теперь-то она наконец угомонилась, – кивнул Миша и перевёл взор обратно на лавки и дверь, ведущую в подъезд. – Хотя я, честно говоря, никак не привыкну к этой мысли. Всё кажется, что она вот-вот появится и, как водится, напустится на нас.

Димон небрежно ослабился.

– Ну, это вряд ли. Из тех краёв, где она нынче обретается, не возвращаются. Я, по крайней мере, таких случаев не припомню. Так что можешь быть совершенно спокоен на этот счёт: Добрую мы больше не увидим. На этом свете уж точно.

– А на том? – несколько неожиданно, словно против воли, вырвалось у Миши.

Димон пожал плечами и ответил не сразу.

– Что будет на том, даже я не знаю. – И, немного поразмыслив, прибавил: – И не советую тебе, друг мой, задумываться над такими сложными вопросами. Рановато.

Миша ничего больше не сказал и вновь обратил взгляд на серые, подслеповатые, точно подёрнутые дымкой окна, за которыми совсем недавно, ещё вчера, обитала так внезапно и нечаянно преставившаяся старушка. Глядя на эти давным-давно не мытые неряшливые окна, особенно выделявшиеся и бросающиеся в глаза при сравнении с соседскими, нетрудно было

догадаться, что либо здесь влачат своё жалкое, выморочное существование какие-то асоциальные типы, привыкшие жить среди грязи и нечистот и не считающие необходимым хотя бы изредка прибраться в занимаемых ими помещениях, либо же доживает свой затянувшийся век всеми забытый, никому не нужный, одинокий и немощный старик или старуха, уже не имеющие сил навести порядок и чистоту даже на своей скромной жилплощади, сделать её мало-мальски приглядной хотя бы с внешней, всем видимой стороны.

– Ладно, пошли домой, – нарушил молчание Димон и сделал шаг вперёд. – А то мне жрать уже конкретно хочется. В животе аж трескотня какая-то начинается.

Миша кивнул и, ещё раз скользнув взглядом по будто заворазживавшим его старухиным окнам, двинулся вслед за товарищем.

Они пошли в обратном направлении по усеянной зелёными и уже начинавшими желтеть листьями тенистой аллее и, достигнув Димонова подъезда, расстались, договорившись встретиться вечером.

II

Придя домой, Миша умылся, переоделся и плотно пообедал, после чего, почувствовав утомление и даже сонливость, решил немного передохнуть и отправился в свою комнату. Там он растянулся на диване и, поблуждав некоторое время тусклым, безразличным взглядом вокруг, мало-помалу смежил внезапно отяжелевшие, будто налившиеся свинцом веки. Перед ним тут же замелькали неотчётливые, размытые картины, в которых смутно, порой в совершенно преображённом и искажённом виде угадывались события минувших дней, а иногда и более отдалённого прошлого. Они проходили перед его мысленным взором бурной, нестройной чередой, без всякого порядка, сталкиваясь, путаясь, наслаиваясь и перемешиваясь одна с другой. И ему лишь изредка удавалось выхватить из этой бессвязной, бестолковой сумятицы что-то более-менее чёткое и узнаваемое, сколько-нибудь похожее на то, что было в действительности.

И в первую очередь – её черты. Той, которая занимала его мысли уже около двух месяцев. И не просто занимала, а по сути медленно, но верно вытеснила из них всё остальное и в конце концов заполонила их, воцарилась в них, утвердила свою безраздельную, ничем не ограниченную власть. И он, поначалу относившийся к этому легкомысленно, без особого внимания, как к одному из многих мимолётных, ни к чему не обязывающих увлечений, которым он был в высшей степени подвержен, в какой-то момент вдруг понял, что, кажется, это уже не шутки, что это всерьёз и надолго, что, похоже, назад дороги нет. Понял тогда, когда заметил, что, о чём бы он ни подумал, в его мыслях неизменно всплывала она, о чём бы и с кем бы ни говорил, всякий раз незаметно для самого себя переводил разговор на неё.

Впрочем, незаметно только для себя, но не для остальных. Все вокруг, прежде всего его друзья, очень быстро смекнули, куда дует ветер, на какую ногу он захромал. И словно обрадовались этому и ухватились за этот повод, принявшись сначала иносказательно, стороной, а затем всё более явно и откровенно подтрунивать над ним, делать туманные, но выразительные и порой скабрёзные намёки, задавать наводящие вопросы, на которые ему нечего было ответить. А вот сегодня его лучший друг уже в открытую, без всяких оговорок, поинтересовался, что это с ним такое происходит, отчего он сам не свой, в чём причина этого? И откровенно, хотя вроде бы в шутку, высказал то, о чём трудно было, понаблюдав за Мишей, не догадаться: уж не влюбился ли он?

Ну да, чёрт возьми, да! Чего спрашивать о том, что и так видно встречному и поперечному? Что, наверное, написано у него на лбу. Он действительно влюбился! И уже ничего не мог поделать с этим. Не мог даже скрыть это. Это было сильнее его. Внезапно, неожиданно-негаданно нахлынувшее на него, налетевшее, как буря, чувство совершенно поработило его, подчинило

его себе без остатка, стало его навязчивой идеей, преследовавшей его по пятам. И это было тем более неожиданно, ошеломляюще, даже в какой-то мере пугающе, что такое случилось с ним впервые, ничего подобного прежде не было. Были увлечения, как правило, кратковременные и неглубокие, разговоры, объятия, поцелуи. Но всё это было так-то неосмысленно, несерьёзно, как будто понарошку. И расставания происходили легко, безболезненно, почти незаметно, не оставляя в душе никаких следов, а уж тем паче ран...

Раздумывая обо всём этом, Миша ждал, что среди множества лиц, проплывавших перед ним в начинавшей охватывать его дремоте, появится и то лицо, о котором он грезил дни и ночи... Но вместо этого из пёстрой копошащейся гущи смутных, неоформленных мыслей и неясных, расплывчатых образов внезапно выплыло суровое, неподвижное, мертвенно бледное обличье, изборождённое глубокими морщинами, с плотно сжатыми тонкими синеватыми губами, хищным крючковатым носом, длинным заострённым подбородком, с рассыпанными по низкому нахмуренному лбу редкими седыми прядями и обведёнными тенью запавшими бесцветными глазами, безучастно и отчуждённо, словно ничего не видя, устремлёнными в пустоту...

Так ясно и отчётливо, будто наяву, увидев это угрюмое, малосимпатичное лицо, уже задремавший было Миша встрепенулся, насунился и провёл рукой по глазам, будто пытаясь отогнать от себя мрачное наваждение. Затем приподнялся с подушки и опёрся на локоть. Морщась и потирая пальцами лоб, несколько секунд бесцельно бродил взглядом по комнате.

Немного погодя, уяснив, что это лишь померещилось ему, он качнул головой, чуть усмехнулся и снова уронил голову на подушку. Как-то незаметно он позабыл о своих любовных терзаниях, уже так долго не дававших ему покоя. Их вытеснило явившееся ему только что не слишком приятное, жутковатое видение – худое, безжизненное старческое лицо, обтянутое тонкой, сухой, похожей на пергамент кожей, с мутными, остановившимися глазами, откуда-то из глубины черепа незряче и мёртво глядевшими в никуда.

Он сразу же узнал это лицо, хотя оно явилось ему лишь на мгновение, в коротком мимолётном полусне, а затем, едва он стряхнул с себя дрему и открыл глаза, бесследно исчезло, растаяло, как уносимая ветром дымка. Да, это была она. Та, о скоропостижной кончине которой он узнал совсем недавно и в которую до сих пор не мог до конца поверить. Но теперь, после того как перед ним в сумрачном сонном видении возникло это застылое, неживое лицо с пустыми остекленелыми глазами, он вдруг почему-то окончательно и несомненно уверовал в то, что Доброй больше нет на этом свете.

Полуприкрыв глаза и чуть нахмутив лоб, Миша задумался и невольно стал перебирать в памяти события и эпизоды, связанные с почившей соседкой. И постепенно, шаг за шагом, перенёсся в мыслях на несколько месяцев назад, в то время, когда в их дворе откуда ни возьмись объявилась молчаливая, флегматичная с виду старуха со строго поджатыми губами, колючим, пронизывающим взглядом серых водянистых глаз и высокомерно-презрительным выражением на болезненно бледном, с коричневатым оттенком, лице. И поселилась в двухкомнатной квартире на втором этаже, грязные, потемневшие от пыли окна которой он созерцал незадолго до этого, стоя возле сарая.

При этом он не мог не вспомнить также и о тех довольно любопытных персонажах, что обитали на этих квадратных метрах до появления новой жилицы. Это была хорошо известная всей округе пьяница и скандалистка Вера и её сожитель, как нетрудно догадаться, человек того же пошиба, имени которого никто из соседей так и не узнал. Эта сладкая парочка вела чрезвычайно буйную, разгульную жизнь, практически все свои неизвестно откуда бравшиеся доходы тратила на выпивку и закуску – с очевидным перевесом в пользу первой, – а свою квартиру превратила в самый настоящий притон для алкоголиков, бомжей и всевозможного сброда, разного рода мутных, подозрительных субъектов, чуть ли не ежедневно стекавшихся отовсюду по хорошо известному им адресу и приятно проводивших здесь время. Причём довольно часто

приятное времяпрепровождение затягивалось далеко за полночь и заканчивалось весьма бурно – громким выяснением отношений, воплями, грохотом, рукоприкладством – и, как итог, приездом полиции и усмирением буянов. После этого обитатели весёлой квартиры на некоторое время затихали, уходили в подполье, пропадали из поля зрения, словно их и не было вовсе. Но ненадолго. Вскоре вспугнутые и разогнанные кто куда друзья-приятели возвращались и брались за старое. И жизнь на втором этаже снова была ключом, и всё продолжалось по-прежнему. И казалось, этому не будет конца.

Но вдруг совершенно неожиданно всё закончилось. В один прекрасный день Вера и её безымянный сожитель бесследно исчезли, сгинули, как в воду канули. А на освободившейся жилплощади водворилась неведомо откуда взявшаяся, никому не известная старушка с каменным, вечно хмурым, как будто чем-то недовольным лицом и острыми, пронзительными, казалось, видевшими всех насквозь глазами. На вопросы удивлённых, ничего не понимавших соседей она отвечала крайне скупо, не вдаваясь в детали и ограничившись самыми общими сведениями. Сказала, что зовут её Авдотьей Ефимовной, что ей что-то около восьмидесяти лет (сколько именно, она, мол, и сама точно не помнит), что приехала она из деревни по приглашению своей двоюродной племянницы Веры, так как в городе одинокой, беспомощной старухе ещё можно кое-как, худо-бедно прожить, а в деревне совсем уж не вмоготу. Но как называется эта деревня и где она находится – об этом она не сочла нужным сообщить, видимо посчитав эти подробности излишними. Также, несмотря на долгие и настойчивые расспросы обуреваемых любопытством соседей, умолчала она и о том, куда так внезапно и таинственно пропала её племянница со своим благоверным, которых никто и никогда больше так и не увидел, как если бы они в буквальном смысле провалились сквозь землю.

Впрочем, жителей дома не слишком огорчило неожиданное исчезновение беспокойных обитателей весёлой квартиры. Напротив, скорее обрадовало и позволило им наконец вздохнуть с облегчением. В подъезде разом стало тихо и спокойно; прекратились ночные оргии, попойки, скандалы, драки; сюда перестали нырять различные тёмные личности с помятыми, испитыми физиономиями и блудливо бегающими глазами, ещё совсем недавно бывшие тут завсегдатаями и самыми дорогими гостями и чувствовавшие себя здесь как дома. Ещё ничего не ведая о происшедших переменах и по привычке постучавшись в знакомую дверь, они вместо прежней радушной, гостеприимной хозяйки увидели старую каргу с мрачным землисто-бледным лицом и недвижным, вьедливым взором, от которого невольно делалось не по себе. И с присущей людям подобного сорта сообразительностью поняли, что праздник жизни на этой территории окончен и им ничего тут больше не светит. И понемногу забыли сюда дорогу.

Таким образом, жильцы в определённой мере были даже благодарны новой соседке за тишину, спокойствие и порядок, установившиеся в подъезде после убытия в неизвестном направлении её предшественников и прекращения посещений многочисленных шумных визитёров. Мало-помалу люди перестали интересоваться судьбой пропавших и стали понемногу забывать о них, точно их никогда здесь и не было. Так же слабо интересовались окружающие правами явившейся как будто из ниоткуда старушки на занятую ею жилплощадь, резонно полагая, что раз у соответствующих органов не возникло никаких вопросов к ней по этому поводу, значит, с правами на квартиру у неё, очевидно, всё в порядке, владеет она ею по закону и может распоряжаться ею как пожелает.

Таким образом, Авдотья Ефимовна благополучно и ко всеобщему удовлетворению (если не считать, конечно, жестоко разочарованных приятелей бывшей хозяйки) обосновалась на новом месте жительства и стала вести тихую, неприметную, размеренную жизнь, с виду ничем не отличавшуюся от жизни других пожилых обитательниц дома, с которыми она почти каждый вечер прогуливалась по двору или сидела на лавке возле подъезда, ведя длинные, нескончаемые старушечьи беседы на самые разнообразные темы.

Однако всё оказалось далеко не так благостно и гладко, как представлялось вначале, и вскоре во дворе при самом активном участии новой его жительницы произошли довольно странные и удивительные события, непосредственным или косвенным очевидцем которых был Миша. Но которые от этого не стали для него, так же как для Димона и прочих его друзей, более понятными и объяснимыми, вызывающими меньше вопросов и поддающимися разумному, логичному толкованию.

А началось всё с того, что у Авдотьи Ефимовны отчего-то не заладились взаимоотношения с молодёжью. То ли старухе, прожившей, по её словам, всю жизнь в деревне и привыкшей к тамошним тишине и покою, не понравились шум и суета, производившиеся городской детворой; то ли здешние дети показались ей чересчур наглыми, развязными, своевольными, слишком много себе позволяющими; то ли, наконец, это был обычный, традиционный конфликт поколений, неизменный, неизбежный и неразрешимый во все времена, – как бы то ни было, но вскоре после своего появления во дворе она вступила с местным молодым поколением в решительную, упорную, бескомпромиссную борьбу, борьбу не на жизнь, а в некоторых случаях в прямом смысле слова на смерть, борьбу, возможно, значительно сократившую её дни.

Но так как вступить в открытое противоборство со всей здешней молодёжью разом ей было явно не по силам, она для начала выбрала главным объектом для своих наскоков того, кто показался ей наиболее разнузданным, нахальным и зловредным. Таковым оказался Димон. Он-то и попал под раздачу в первую очередь. Прежде всего потому, что его сарай, посещавшийся им почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз на дню, и бывший центром притяжения для его бесчисленных друзей и знакомых, находился буквально в шаге от старухино подьезда, от лавочки, на которой она сидела, от тенистой аллеи, по которой она прогуливалась вечерами. Среды их обитания соприкасались вплотную, пути их постоянно пересекались, и они при всём желании никак не могли избежать встреч друг с другом.

Но Авдотья Ефимовна, казалось, и не пыталась избегать таких встреч; напротив, она как будто нарочно искала их, усиленно нагнетая при этом напряжённость и в открытую, не слишком стесняясь, провоцируя конфликты и ссоры. Едва завидев возле сарая Димона и его товарищей, она немедленно приближалась к ним и начинала прохаживаться вокруг да около, хмуря брови, кидая на них неприязненные, горевшие мрачным огнём взгляды и сердито бормоча что-то себе под нос. Затем, видя, что её манёвры не оказывают на разбитных, беззаботных юнцов никакого действия, она перешла к более сильным, вербальным средствам – стала осыпать своих противников ругательствами, проклятиями и угрозами, порой довольно колоритными и забористыми, которые немного странно было слышать бабушки-божьего одуванчика. Однако её это, очевидно, нисколько не смущало, и она настойчиво и энергично, изо дня в день, осуществляла свои бурные словесные атаки, не без оснований полагая, что капля камень точит и что своим упорством и неутомимостью она в конце концов добьётся результата.

И добилась. Не сразу и не всего, чего она, по-видимому, хотела, но кое-что вскоре уже могла записать на свой счёт. А именно то, что приятели и гости Димона, поначалу старавшиеся не обращать внимания на злобное брюзжание чудаковатой старухи (к которой именно в это время и вследствие подобного её поведения приклеилось ироничное прозвище Добрая) и лишь изредка и без особой охоты огрызавшиеся в ответ на её ругань, в скором времени, видимо, утомились этим затянувшимся каждодневным представлением и, не желая больше видеть перед собой малопривлекательную, искажённую ненавистью физиономию старой мегеры и слышать её глухой, каркающий голос, изрыгавший бесконечную брань и поношения, постепенно, один за другим, перестали приходить к Димонову сараю, предпочитая проводить вечера в более приятных и спокойных местах, где никто не мешал им отдыхать и развлекаться.

И очень скоро зелёная лужайка перед сараем, обычно многолюдная и шумная, опустела. Димона продолжали навещать, правда, уже не так часто, как прежде, лишь несколько самых закадычных его друзей, в числе которых был, конечно, и Миша. Время от времени сильно

поредевшая, растерявшая былой задор, заметно приунывшая компания собиралась на прежнем месте, но долго тут не задерживалась, не имея желания сталкиваться лишний раз с почти непрерывно рыскавшей вокруг и всегда готовой к боевым действиям взбалмошной старухой.

Однако, как ни осторожен и сдержан был Димон, решительного столкновения всё же не удалось избежать. Произошло это однажды утром, когда он был возле сарая один и возился со своим велосипедом, стоявшим перед ним вверх колёсами, – он устанавливал на заднее колесо новую камеру, вместо старой, пробитой накануне. Он так увлёкся работой, что не тотчас заметил неподвижно стоявшую неподалёку фигуру и не сразу ощутил прикованный к нему неотрывный, сосредоточенный взор. А когда, случайно покосившись в сторону, заметил наконец застывшую невдалеке и не сводившую с него глаз старуху, то попытался сделать вид, что ему нет до неё никакого дела. Лишь слегка тряхнул головой, чуть нахмурил брови и продолжил копаться со своим колесом.

Но, в отличие от Димона, у Авдотьи Ефимовны, очевидно, было до него дело, так как, не удовлетворившись тяжёлым, сверлящим взглядом, которым она колола его в течение нескольких минут, она двинулась в его сторону и, остановившись метрах в двух от противника, без всяких предисловий и околочностей, с места в карьер обрушила на него целый поток отборной ругани, оскорблений и проклятий. Причём употребила при этом такие крепкие и замысловатые выражения и обороты, что даже Димон, уже привыкший к её не самой изысканной манере изъясняться, был слегка ошарашен внезапно обрушившейся на него мутной словесной лавиной и немало изумлён таким богатым и изощрённым лексиконом, более подходящим для обитателей казармы или зоны, но никак не для ветхой, благообразной деревенской старушки.

Он, однако, проявил поразительное, удивившее его самого хладнокровие и не ответил ни словом, ни жестом, ни даже взглядом на злобную площадную брань исступлённой, задышавшейся и трящейся от бешенства старухи. Хотя эта внешняя, показная невозмутимость стоила ему немалых усилий: внутри у него всё клокотало, по телу пробегала нервная дрожь, и он лишь с большим трудом удерживался от того, чтобы не вспылить и не ответить старой скандалистке так, как она того заслуживала. Но он считал ниже своего достоинства связываться с буйнопомешанной, явно неадекватной бабкой, место которой было в дурдоме. А потому усиленно делал вид, что всецело поглощён работой. Его внутреннее состояние выдавали лишь насупленные брови и то сжимавшиеся, то разжимавшиеся челюсти. Он изо всех сил старался держать себя в руках, надеясь, что взбесившаяся, будто сорвавшаяся с цепи старуха истощит наконец свой, казалось, неиссякаемый словарный запас, выдохнется и уберётся подобру-поздорову, пока не случилось чего-то непоправимого.

Но у Авдотьи Ефимовны, по-видимому, были другие планы. Видя, что недруг прекрасно владеет собой и не поддаётся на провокации, она решила от слов перейти к делу и применить тяжёлую артиллерию. Внезапно умолкнув и грозно сверкнув глазами, она сунула руку в карман своего серого поношенного пальто (которое она носила даже летом, ссылаясь на то, что остывшая кровь уже не греет её и она постоянно мёрзнет) и, к крайнему изумлению Димона, извлекла оттуда довольно крупный и увесистый обломок асфальта. После чего сделала шаг вперёд и замахнулась, по всей видимости всерьёз намеревшись использовать припасённый ею загодя снаряд по назначению, то есть запустить им в противника.

Увидев, что дело приняло нешуточный оборот и вот-вот перейдёт в стадию нанесения тяжких телесных повреждений, Димон вскипел, мгновенно потряхнул с себя напускное бесстрашие и, тоже яростно блеснув глазами и стиснув зубы, а заодно машинально схватив самый большой из имевшихся у него под рукой разводных ключей, которыми он орудовал при работе с велосипедом, с решительным видом шагнул навстречу разбушевавшейся старухе, занёсшей руку с зажатым в ней куском асфальта и уже готовившейся швырнуть его в голову врага.

На секунду их горящие, метавшие молнии взгляды встретились, скрестились, словно отточенные клинки, – так, что казалось, от этого скрещения брызнут искры и раздастся резкий металлический звон...

И Авдотья Ефимовна отступила. Бешеный блеск в её глазах погас, глубокие складки на лбу чуть разгладились, смертельно бледное, искажённое лютой злобой лицо – на котором даже пережитые ею только что сильные эмоции не зажгли ни малейшего румянца – приняло обычное замкнутое, отрешённое выражение. Она пробормотала что-то неразборчивое, бросила наземь своё метательное орудие, едва не запущенное ею в неприятеля, и, метнув на него вместо этого косой сумрачный взгляд, медленно пошла прочь. Отойдя на несколько метров, остановилась и, обернувшись, погрозила ему пальцем. И вновь прошипела что-то невразумительное и, судя по всему, угрожающее. А затем удалилась и скрылась в своём подъезде.

Димон же в продолжение нескольких дней после этого был как будто сам не свой, скверно себя чувствовал, видел по ночам тяжёлые, мучительные сны...

III

Добрая после этой не слишком удачной для неё лобовой атаки на врага заметно поутихла, присмирела и, точно забыв вдруг о досаждавшей ей молодёжи и не пытаясь больше воевать с ней, вернулась к прежнему, гораздо более соответствовавшему её весьма почтенному возрасту спокойному, неторопливому, безмятежному образу жизни. Она вновь стала посиживать с соседками на лавочке и прогуливаться с ними или в одиночестве по двору, снова включилась в их размеренные, монотонные разговоры ни о чём и в то же время обо всём сразу. В сторону же Димонова сарая и на его хозяина она даже не смотрела. Если же порой её взгляд случайно задерживался на противнике, она глядела на него совершенно безучастно, не выражая никаких чувств, как на пустое место, будто с определённого момента он, ещё совсем недавно так страстно ненавидимый ею, вдруг перестал существовать для неё и представлять какой-либо интерес.

А Димону только этого и нужно было. Он не желал ни с кем конфликтовать и выяснять отношения и был очень рад тому, что вздорная старуха наконец отстала от него и оставила его в покое. И в глубине души гордился собой за то, что в острой ситуации не растерялся, не дал слабину и сумел дать ополоумевшей бабке достойный отпор, в результате чего, как он полагал, она и вынуждена была сбавить обороты и прекратить нападки на него, то есть фактически капитулировать. Так, во всяком случае, ему хотелось думать. Правда, приятелям, вскоре прослышавшим о благоприятном изменении обстановки и вновь, после короткого вынужденного перерыва, начавшим собираться на прежнем, привычном месте, он, вероятно, из скромности, не обмолвился ни словом о стычке с бешеной старухой и о своём решительном, твёрдом и хладнокровном поведении при этом. Рассказал он об этом, да и то скупно, в немногих словах, будто нехотя, только Мише и ещё нескольким самым верным друзьям, не оставившим его в самое трудное время.

Однако, как выяснилось уже очень скоро, Димон и его приятели слишком рано обрадовались и успокоились. Их победа была мнимой. Авдотья Ефимовна и не думала отступать и тем более капитулировать. Она лишь изменила тактику и избрала для достижения своих целей совершенно иные – тёмные, таинственные, никому, кроме неё самой, не ведомые и не понятные средства.

А началось всё с того, что однажды жарким июньским вечером Добрая появилась на своём балконе со шлангом в руке и стала поливать росшие внизу, под её окнами, цветы, заметно поникшие от стоявшего уже несколько дней тяжёлого, иссушающего зноя. Игравшие поблизости дети, так же как и цветы истомлённые жарой и жаждавшие освежиться, едва завидев лившиеся сверху прохладные, сверкавшие на солнце струи, со смехом, криком и гиканьем

бросились под старухин балкон, под низвергавшиеся оттуда обильные потоки воды. А она, точно позабыв вдруг о своей закоренелой, всем известной неприязни к детворе, с мягкой, благосклонной улыбкой, слегка оживившей её чёрствыи, застылые черты, взирала свысока на резвившуюся внизу шумную ребятню и, судя по всему, не без удовлетворения обрызгивала её освежающей влагой.

Однако не слишком характерное для неё доброе, благодушное расположение духа совсем недолго владело ею. Лишь до того момента, когда она заметила Димона, Мишу и ещё нескольких парней, их товарищей, въехавших на велосипедах во двор после традиционного вечернего выезда и спешившихся около Димонова сарая. Они, естественно, сразу же обратили внимание на необычное оживление возле старухиных окон и некоторое время с удивлением созерцали эту довольно причудливую сцену – орущую, визжащую, скачущую мелюзгу и поливавшую её с балкона улыбающуюся, как будто внезапно подобрешую старуху.

Ребячье веселье было так искренне, непосредственно и заразительно, что Миша, полюбившись немного этой благостной, почти идиллической картиной, не выдержал и решил вспомнить детство золотое. Он подмигнул Димону, отделился от группы своих спутников, по-прежнему молча наблюдавших за диковинными водными процедурами, затеянными прямо посреди двора, и, на ходу сбросив с себя футболку, устремился к бегавшей, прыгавшей, не смолкавшей ни на миг малышне, стремясь освежить своё разгорячённое, вспотевшее после продолжительной поездки по городу тело под падавшим со второго этажа рукотворным дождём.

При виде приблизившегося чужака, одного из тех, кого Авдотья Ефимовна по неизвестной причине считала врагами и ненавидела всей душой, с её лица сбегали остатки улыбки и оно приняло более привычное хмурое, насупленное выражение. И как только незванный гость оказался под балконом и вмешался в толпу резвившейся детворы, она, чуть помедлив, перестала разбрызгивать воду по сторонам, сжала пальцами кончик шланга и направила тонкую упругую струю в наглого великовозрастного пришельца, вздумавшего разделить бесхитростную детскую потеху.

И тут произошло нечто странное и необъяснимое, изумившее и переположившее всех присутствовавших при этом. Едва лишь прицельно устремлённый твёрдой старухиной рукой мощный водяной поток коснулся обнажённого Мишиного торса и окатил его плечи, грудь и спину, как он взвыл не своим голосом, резко шарахнулся назад и, несколько мгновений покружившись, как волчок, на месте, точно не зная, куда ему бежать, опрометью бросился туда, откуда явился, провожаемый насмешливым, язвительным взглядом и хриплым издевательским смешком Авдотьи Ефимовны.

Очутившись среди удивлённых, ничего не понимавших приятелей, Миша поначалу не мог вымолвить ни слова, лишь громко стонал, охал и совершал беспорядочные порывистые движения. И только спустя минуту-другую, не переставая стонать, всхлипывать и оживлённо жестиковать, срывающимся, плачущим голосом сообщил, что старая карга окатила его кипятком, или какой-то кислотой, или ещё чем-то в этом роде. И в подтверждение своих слов продемонстрировал сильно покрасневшую, воспалившуюся, начавшую покрываться мелкими белыми волдырями кожу на своём голом туловище, в тех местах, на которые попала подозрительная старухина водица. После чего, ни с кем не прощаясь, по-прежнему испуская протяжные жалобные стелания и кривясь от боли, поплёлся домой, не замечая устремлённых ему вслед сочувственных и недоумённых взглядов друзей, а также, как и прежде, неотступно следовавшего за ним совсем другого – ядовитого, злорадного – взора старухи.

Димон, единственный из всех, обратил внимание на этот её взгляд и исказившую при этом её лицо злобную, мстительную и одновременно торжествующую, почти радостную ухмылку. И, вероятно вспомнив в связи с этим своё недавнее столкновение с ней, едва не переросшее в вооружённый конфликт, и его крайне неприятные последствия, едва слышно, сквозь

зубы произнёс слово, вскоре, как и прозвище «Добрая», накрепко приставшее к Авдотье Ефимовне и, по мнению большинства имевших с ней дело людей, очень подходившее ей: «Ведьма!»

А в скором времени произошёл ещё один, ещё более драматический, вызвавший немало толков, слухов и догадок случай, как будто лишний раз подтвердивший справедливость и точность данной Димоном старухе новой, уже совсем не шуточной клички, наиболее полно и метко отражавшей особенности её характера и внешнего вида, а главное – вероятное, а с течением времени всё более очевидное для окружающих наличие у неё некоей тёмной, загадочной, сверхъестественной силы, природа которой была совершенно непонятна и необъяснима. Ясно было только то, что эта сила даёт ей безусловное превосходство над другими, обычными людьми, а также то, что старуха использует её исключительно во зло, во вред тем, кто имел несчастье вызвать чем-либо её неудовольствие, чем-то не угодить, досадить или попросту не понравиться ей, всем тем, кого она по каким-то ведомым ей одной причинам записала во враги и на этом основании объявила им жестокую, беспощадную войну. Об этом совершенно определённо свидетельствовали инциденты с Димоном и Мишей и ещё более ярко и красноречиво – последующие происшествия, не заставившие долго себя ждать.

...Сразу за двором, в котором обитали приятели, по соседству с Димоновым сараем, на небольшой узкой улочке, никогда не знавшей асфальта и изборождённой, точно после бомбёжки, бесчисленными ухабами и выбоинами, стояло несколько старых деревянных домов, окружённых обширными приусадебными участками, утопавшими летом в густой яркой зелени садов, состоявших в основном из яблонь, груш и слив. Такое богатство, понятное дело, не могло остаться без внимания окрестных мальчишек. Миша и Димон с сотоварищи периодически, чаще всего поздним вечером, а иногда и ночью, совершали молниеносные дерзкие налёты на эти частные владения и в большинстве случаев уносили с собой обильную добычу. Правда, не все вылазки были одинаково удачны и результативны, и однажды, во время одного из таких пиратских рейдов, Миша, немного замешкавшись, едва не попал в руки незаметно подкрававшихся в кромешной тьме хозяев сада. Но, к счастью, всё обошлось: благодаря скорости реакции, ловкости и скорости ног он в самый последний миг сумел ускользнуть от расвирепевших собственников и избежать суровой, хотя в какой-то мере, пожалуй, и заслуженной расправы.

Однако нынешним летом набеги на соседские сады прекратились. И не потому, что у похитителей внезапно проснулась совесть и они поняли, что расхищать и пожирать чужое добро грешно и противозаконно, а по внешней, совершенно не зависевшей от них причине. Просто кто-то там, наверху, по-видимому, обратил внимание на не слишком приглядные ветхие бараки, явно пережившие свой век и совсем не украшавшие центр города. И вскоре эти допотопные, казалось, стоявшие тут всегда и пустившие в землю корни строения были едва ли не в один день снесены, а окружавшие их развесистые, отягчённые зеленью и плодами деревья и кусты сломаны и сровнены с землёй.

Но свято место пусто не бывает, и уже через пару дней оно было полностью очищено от руин и обломков. После чего в дело вступила тяжёлая техника – бульдозеры и экскаваторы, в короткий срок вырвавшие огромный длинный котлован; как выяснилось, здесь должен был быть возведён высотный дом. Но до этого было ещё далеко, а пока что громадная, протянувшаяся на несколько десятков метров яма была облюбована детворой из окрестных дворов, на время превратившей её в главную арену своих игр и развлечений.

Миша и его приятели, хотя и были сильно раздосадованы утратой давнего и излюбленного поля их деятельности – пышных тенистых садов со множеством раскидистых плодоносных деревьев, в скором времени немного утешились, найдя для себя некоторую, хотя, конечно, далеко не равноценную, компенсацию. Ею оказалось высившееся на самом краю котлована мощное кряжистое дерево, единственное каким-то чудом уцелевшее после учинённого тут разгрома. Причём друзей заинтересовало не само дерево, а лишь одна его часть – продолговатая, толстая, чуть изогнутая ветвь, словно могучая мускулистая рука почти горизонтально вытянув-

шаяся над глубокой яминой. Заметив эту ветвь, один из Мишиных товарищей, Руслан, недолго думая, заявил, что, если прицепить к ней крепкую надёжную верёвку с палкой на конце, получатся отличные качели-«тарзанка».

Предложение всем понравилось, было единодушно одобрено и без промедления воплощено в жизнь. И все последующие дни приятели развлекались этой нехитрой игрушкой: один за другим подходили к небольшому пригорку на краю ямы, хватались обеими руками за свисавшую с ветви прочную пеньковую верёвку с прикрепленной к ней на конце поперечной палкой и, оттолкнувшись от земли, с громким ликующим возгласом проносились над зиявшим внизу внушительным, около пяти метров глубиной, провалом.

И вот в один из таких дней, ближе к вечеру, когда друзья в очередной раз собрались у полюбившихся им качелей, в какой-то мере заставивших их позабыть о скоростижно погибших плодоносных садах и частично примириться с совершившимися необратимыми переменами, в поле их зрения неожиданно оказалась Добрая. Неожиданно потому, что в течение некоторого времени, недели или двух, её не было видно, и на этом основании по двору поползли слухи, что она серьёзно больна, возможно, находится при смерти, а может быть, вообще уже умерла. Но теперь, после её внезапного появления – живой, здоровой, без всяких признаков тяжёлого недуга, только как будто ещё более бледной, угрюмой и замкнутой, чем прежде, – всем сразу стало ясно, что это были не более чем слухи, неизвестно кем и зачем сочинённые и пущенные в ход.

Итак, едва ли не похороненная добрыми соседями, но чудесным образом воскресшая старуха, появившись на улице и остановившись неподалёку от котлована, некоторое время не без интереса оглядывала гигантскую, уходившую вдаль траншею, которую она, вероятно, ещё не видела, и, как обычно, копошившихся в ней и вокруг неё детей. Её внимание, однако, обострилось ещё больше, когда на краю огромного рва она заметила своих заклятых недругов, с упоеанием предававшихся новой, захватившей их забаве. Чуть склонив голову и нахмурившись, она исподлобья устремила на них сосредоточенный, сумрачный взор, лицо её застыло и напряглось, будто окаменело. И лишь тонкие, чуть искривлённые губы едва заметно вздрогнули и зашевелились, словно шепча какие-то тайные, только ей ведомые и понятные словеса.

Разгорячённые и всецело поглощённые своим занятием приятели не обратили особого внимания ни на старуху, ни на её пристальные взгляды и бормотанье. Только Димон и Миша не остались к этому равнодушны, почти одновременно ощутив, в чём они потом признались друг другу, неосознанное, смутное беспокойство и невольно устранившись от дальнейшего участия в игре. Димон, когда пришёл его черёд уцепиться за верёвку и пролететь над котлованом, после короткого раздумья отказался от этого и уступил место следовавшему за ним и проявлявшему сильное нетерпение Руслану. Который, не медля ни секунды, ухватился за палку, оттолкнулся от пригорка, чуть бугрившегося на краю ямы, и, радостно ухнув, стремительно и легко взмыл в воздух.

Димон же, следя за полётом товарища и в то же время искоса поглядывая на неподвижно стоявшую невдалеке старуху, по-прежнему не сводившую с них острого, немигающего взгляда и бурчавшую что-то себе под нос, не мог отделаться от настойчивой, всё возрастающей тревоги, от неясного, тёмного предчувствия, что вот-вот, буквально в следующее мгновение, произойдёт что-то неприятное, тягостное, может быть, даже трагическое...

И предчувствие не обмануло его. Совершенно неожиданно толстая, крепкая, надёжнейшая, как казалось всем, верёвка, на которой с протяжными звонкими вскриками раскачивался взад-вперёд Руслан, которую он же за несколько дней до этого приволок из дому и собственноручно прикрепил к ветви, с коротким сухим треском оборвалась, и её хозяин, взлетевший в этот момент на максимально возможную высоту, не успев даже охнуть, лишь беспомощно и несуразно растопырив конечности, камнем рухнул вниз, на дно котлована.

И пока все, кто это видел, как громом поражённые, бестолково метались туда-сюда, что-то кричали, кого-то звали, размахивали руками, не зная, что делать, как помочь пострадавшему, и затем, когда приехали спасатели, извлекли из ямы Руслана, полубесчувственного, без кровинки в лице, со сломанными руками и сотрясением мозга, и увезли в травматологию, – всё это время Добрая, не шевелясь, точно статуя, стояла на прежнем месте и с неослабным вниманием, широко раскрыв глаза, словно не желая упустить ни одной мелочи, наблюдала всё происходящее. И с губ её не сходила вначале чуть приметная, а затем всё более явная и откровенная торжествующая, победительная усмешка.

IV

Как-то утром, вскоре после описанных событий, Серёга, приятель Миши и Димона, один из непрременных и активнейших завсегдатаев и заводил их дворовой компании, зашёл по какой-то надобности в свой сарай, находившийся в некотором отдалении от Димонова, на окраине длинной вереницы сараев. Повозившись там немного, он уже собрался было уходить, как вдруг заметил сквозь переплёт ветвей и зелени неторопливо шествовавшую по близлежащей аллее Авдотью Ефимовну. По-видимому, старуха решила прогуляться в начале дня, когда во дворе обычно бывало тихо и безлюдно, в гордом одиночестве. Насладиться прекрасной летней погодой, подышать чистым свежим воздухом, напоенным тонкими сладковатыми ароматами цветов, которыми, как пёстрыми брызгами, были усеяны окрестные палисадники.

Увидев Добрую, Серёга чуть скривился и, задержавшись на пороге сарая, устремил на неё хмурый, неприязненный взгляд. В его памяти тут же всплыли недавние несчастные случаи с его друзьями, очевидцем которых он был и главной и несомненной виновницей которых, как и практически все окружающие, не без оснований считал неспешно прохаживавшуюся неподалёку и постепенно приближавшуюся к нему старуху в сером, выдавшем виды пальто, с землисто-бледным, неподвижным, как посмертная маска, лицом, в тот момент, вопреки обыкновению, совершенно спокойным, умиротворённым, лишённым всякого выражения. Да и какие могли тут быть сомнения? Всё было совершенно очевидно и не требовало лишних подтверждений и доказательств. Нельзя же было не верить собственным глазам.

Серёгино лицо при виде старухи и при воспоминании о тех пакостях, которые она, по его мнению, сотворила, вспыхнуло ярким, негодующим румянцем. В его сердце внезапно разгорелся бурный праведный гнев за невинно пострадавших, подвергшихся серьёзной, едва ли не смертельной опасности товарищей. И он, видя, что Добрая свернула с аллеи на узенькую, полузаросшую травой тропинку, вившуюся мимо его сарая, коротко выдохнул, выпятил грудь и решительно шагнул ей навстречу, вознамерившись высказать ей наедине, с глазу на глаз, если не всё, то хотя бы часть того, что он о ней думал.

Однако он не сказал ничего, ни слова. Едва лишь Авдотья Ефимовна приблизилась к нему и он с расстояния в несколько шагов разглядел её мрачное, застылое, будто неживое лицо, бескровные, пепельные, как обычно, плотно стиснутые губы и остановившийся, бесстрастный, тоже словно безжизненный взгляд мутноватых стеклянных глаз, которым она холодно и равнодушно, точно по неодушевлённому предмету, скользнула по Серёге, – у него отчего-то вдруг сразу пропало желание связываться с ней и высказывать ей что-то, мгновенно угас боевой задор и заготовленные резкие слова замерли на устах, будто примёрзнув к ним и так и не вырвавшись наружу. Заметно обескураженный и сконфуженный, он потупил глаза, тихо кашлянул и отступил назад, уступая старухе дорогу.

Но почти сразу же его вновь охватил гнев – на этот раз на самого себя. За то, что в самый последний миг он струхнул, испугался старой перечницы с угрюмым каменным лицом и ледяными мёртвыми глазами и не произнёс так и вертевшихся на языке едких, хлёстких слов. К тому же ему почему-то показалось – и, возможно, так и было на самом деле, – что она всё поняла, что она заметила его испуг и внезапно овладевшую им робость. И теперь ехидно

посмеивается над ним, над его трусостью и малодушием. Одновременно, по-видимому, очень гордясь собой, своим таинственным, никому не понятным могуществом, тем, что одним своим взглядом она ставит людей на место, повергает их в смущение и трепет и даже самых дерзких, наглых и буйных заставляет отступить и смириться перед ней.

И, ещё домысливая эти сбивчивые, сумбурные думы, на его беду пришедшие ему на ум, распалённый ими Серёга, уже не очень контролируя, почти не помня себя, выскочил из сарая и выпалил вдогонку старухе, успевшей отойти лишь на несколько метров:

– Ведьма!

Авдотья Ефимовна остановилась, так же неспешно, как шла, обернулась и уткнула в Серёгу жёсткий, царапающий, как наждак, взгляд. И несколько секунд, наморщив лоб и едва заметно шевеля губами, твёрдо и пристально, по своему обыкновению исподлобья смотрела на него, как будто стараясь хорошенько запомнить его, или, может быть, ожидая, не скажет ли он ещё что-нибудь.

Но Серёгу, очевидно, хватило лишь на один дурацкий, словно против воли вырвавшийся у него возглас. Больше он не смог выдать из себя ни звука, точно околдованный глядя в чуть прищуренные старухины глаза, в глубине которых мерцали и искрились притушенные сумрачные огоньки, не в силах отвести от них взор. И чувствуя, как по его телу пробегает дрожь, а спину, несмотря на жару, обливает холод.

Наконец, видимо вдоволь насмотревшись на оцепенелого, напрягшегося парня, Добрая не слишком добро усмехнулась, как ему почудилось – а может, и не почудилось, – чуть подмигнула ему и, напоследок с некоторым вниманием оглядев его сарай, пошла прочь.

Серёга же, ещё некоторое время оторопело поглядев на её постепенно удалявшуюся фигуру, вздрогнул, будто стяхивая с себя овладевший им морок, глубоко вздохнул, передёрнул плечами и со смутными, противоречивыми чувствами вернулся в сарай. Уронил там своё как будто слегка онемелое тело, по которому продолжала пробегать понемногу стихавшая дрожь, на большую деревянную колоду, служившую ему сидением. И стал обдумывать случившееся, пытаясь определить, правильно ли он поступил, зацепив неосторожным, машинально вырвавшимся у него словом зловную, совсем не безобидную, судя по предшествующим событиям, старуху? И, что также было немаловажно для него, достойно ли он вёл себя при этом, так ли, чтобы можно было потом откровенно, как на духу, не приукрашивая и не привирая, рассказать обо всём друзьям?

Но, сколько ни ломал он над этим голову, ни к какому однозначному выводу так и не пришёл. С одной стороны, он был доволен, что всё-таки решился, перемог себя и прямо в лицо – или, вернее, в спину – назвал Добрую тем, чем она, скорее всего, и была в действительности. А с другой, – он испытывал из-за этого какую-то странную, совсем не свойственную ему неловкость, почти стыд, смешанный с неясной тревогой, как если бы он совершил что-то недостойное, негодное, скверное, то, о чём не стоит никому сообщать, а тем более похвалиться этим.

Из этих путаных раздумий, продолжавшихся несколько минут, его вывела дверь сарая: приотворённая почти до половины, она вдруг без всякой видимой причины пришла в движение и медленно, с тихим протяжным скрипом закрылась. Оказавшись в полумраке, кое-где пронизанном лишь тонкими белесыми пучками света, проникавшими сквозь узкие щели между досками, Серёга вполголоса ругнулся, нехотя поднялся со своего сидения и, приблизившись к ни с того ни с сего закрывшейся двери, легонько ткнул в неё рукой.

Дверь не открылась. Он с некоторым удивлением посмотрел на неё и снова, уже чуть сильнее, двинул в неё кулаком. Она опять не поддавалась. Он нажал на неё всей пятернёй. Результат был тот же самый.

Озадаченный Серёга отступил на шаг и оглядел запертую дверь сверху донизу, будто пытаясь отыскать причину происходящего. И постепенно недоумение на его лице сменилось улыбкой. Он, как ему показалось, нашёл эту причину: вероятно, кто-то из его приятелей решил

подшутить над ним, подперев чем-то дверь снаружи и замуровав его таким образом в собственном сарае. Незамысловатые шутки и розыгрыши подобного рода были у них в ходу и пользовались неизменной популярностью. Он и сам не раз прикалывался со своими друзьями похожим манером, а потому несколько не удивился, что теперь кто-то из них аналогичным образом позабавился с ним самим.

Вновь приступив к двери и ещё раз безуспешно попытавшись открыть её, Серёга, поняв тщетность этих попыток, чуть покачивая головой и по-прежнему сохраняя на лице натянутую, кислотоватую усмешку, стал окликать по именам и прозвищам тех из своих товарищей, которых он прежде всего подозревал в этой шуточке, вовсе не казавшейся ему смешной и остроумной.

Ответом ему была мёртвая тишина. Как чутко он ни прислушивался, он не уловил за дверью ни единого звука, шороха или вдоха – ничего, что выдавало бы чьё-то присутствие возле сарая.

Ещё пару раз надавив на не поддававшуюся, наглухо закрытую дверь и вновь, уже погромче, окликнув наугад предполагаемых шутников – на этот раз присовокупив в сердцах несколько крепких словечек в их адрес, – но так и не дождавшись ответа, он раздражённо мотнул головой, процедил сквозь зубы очередное ругательство и, снова усевшись на колоду, решил спокойно и терпеливо дожидаться того момента, когда неведомый озорник натешится в досталь и выпустит его из узилища. И обдумывая в то же время планы мести этому типу, кто бы он ни был, очевидно, покатывавшемуся сейчас от хохота, в восторге от своей, примитивной в общем-то, по мнению Серёги, идеи.

Увлечённый мыслью о том, что он сделает, когда выйдет отсюда и получит возможность расквитаться с таинственным – но, скорее всего, на самом деле отлично известным ему – пакостником, устроившим ему такую никак не ожидавшуюся им каверзу, Серёга не сразу обратил внимание на то, что происходило рядом, у него за спиной. Он очнулся от своих будоражащих, мстительных дум лишь тогда, когда ощутил неприятный едкий запах и услышал тихое, размеренное потрескивание. Немного удивлённый, он обернулся...

И обмер. Вся задняя часть сарая, сплошь заваленная всевозможным хламом и старьём, которые он всё собирался выбросить, да как-то никак руки не доходили, была затянута густым грязно-бурым дымом, так что дальней стены сарая и в беспорядке сваленной возле неё груды старой ветоши и сора уже почти не было видно.

Несколько секунд он, широко распахнув глаза и приоткрыв рот, в немом изумлении созерцал плотную, чуть колыхавшуюся и клубившуюся дымовую завесу, с трудом соображая, что происходит, откуда тут взялся этот дым...

Но его недоумённое, остоленелое состояние продолжалось лишь считанные мгновения. До того момента, когда он увидел кое-где прорывавшиеся сквозь дымную пелену языки огня и более отчётливо расслышал резкий, всё учащавшийся сухой треск, производимый горящим деревом. До него наконец дошло, что происходит, и, изменившись в лице, он побелевшими, дрожащими губами прошептал:

– П-пожар!.. Горю!

А спустя ещё мгновение, точно подброшенный мощный пружиной, он вскочил с колоды и, бросившись к двери, яростно забарабанил в неё кулаками, в надежде, что она, пусть и припёртая снаружи, не выдержит такого бешеного натиска и растворится.

Надежда не оправдалась. Дверь стояла как влитая и даже не шелохнулась от его частых, беспорядочных ударов.

Тогда он переменил тактику и навалился на неё всей массой тела, используя в качестве тарана попеременно то правое, то левое плечо.

Результат был прежний: дверь оставалась непоколебимой, непробиваемой, словно была не из дерева, а из металла и заперта извне стальными запорами. После каждого столкновения с ней его туловище отскакивало от неё, как мяч от стены.

Выбившись из сил и осознав бесполезность своих усилий, он повернулся спиной к так и не поколебленной им, обретшей вдруг невероятную, прямо-таки фантастическую прочность двери и, тяжело дыша и отирая с горячего лба выступившую на нём обильную испарину, устремил дикий, очумелый взор в глубь сарая.

Картина, представившаяся ему, не внушала оптимизма. Пожар усиливался и разрастался, охватывая всё новые участки и с неуголимой жадностью пожирая и уничтожая всё, что оказывалось на его пути, в том числе и то, что вроде бы было неподвластно огню. Мутный удушливый дым заполнял уже больше половины сарая и, постепенно разбухая, уплотняясь и густея, занимал всё большее пространство и неудержимо двигался вперёд. Он, извиваясь и змеясь, стлался по полу, полз вдоль стен, клубился под потолком – и вот-вот должен был заполнить собой весь сарай и накрыть, будто могильным пологом, прижавшегося спиной к двери, ошалевшего от страха, почти утратившего способность соображать Серёгу.

Из этого убийственного для него в тот момент ступора его вывело начавшееся удушье, усиливавшееся по мере того, как дым растекался по помещению, и заставившее его глухо, натужно закашляться. А также донёсшиеся сверху, сквозь шипение огня и непрерывный треск горевших досок, громкие, отрывистые хлопки, похожие на выстрелы, – это лопался раскалённый, а в некоторых местах уже охваченный пламенем шифер, покрывавший крышу сарая. Окончательно осознав нависшую над ним смертельную угрозу и поняв, что если в ближайшие мгновения он не предпримет неотложных и решительных мер для своего спасения, всё может закончиться для него фатально, Серёга по-прежнему расширенными, округлившимися глазами огляделся кругом в поисках того, что могло бы стать орудием этого спасения. Но не нашёл ничего, кроме массивной тяжёлой колоды, на которой он только что сидел. Он, не раздумывая, кинулся к ней, схватил и, в горячке почти не чувствуя её немалого веса, швырнул свой импровизированный метательный снаряд в запёртую дверь. Затем тут же подхватил его вновь и опять обрушил на дверь. Потом ещё раз...

Всё было без толку. Дверь стояла будто заговорённая, как мощная нерушимая стена, сокрушить или хотя бы немного поколебать которую было не в человеческих силах. И он прекратил попытки сделать это, уразумев их бессмысленность. А заодно и свою обречённость. Он понял вдруг, что всё происходящее с ним сейчас, эта обрушившаяся на него как снег на голову катастрофа – не случайность, не трагическое стечение обстоятельств. И, уж конечно, не глупый розыгрыш, учинённый его приятелями; какими бы они ни были, но запереть своего друга в его же сарае и поджечь, чтобы понаблюдать, как, задыхаясь в дыму и стгорая живьём, он в отчаянии ломится наружу, – это было бы чересчур даже для них. Дело тут, очевидно, было в другом, а именно – в старухе-ведьме, с которой он так опрометчиво, не подумав как следует, связался и которую, совсем уж не просчитав возможных последствий, в безумном мальчишеском порыве оскорбил.

И последствия не заставили себя долго ждать. Они наступили практически сразу же, без оттяжек и проволочек. Старая карга, по-видимому, не принадлежала к числу людей, кротко и безропотно сносящих оскорбления и обиды и подставляющих другую щёку. И, судя по всему, она решила не откладывать дела в долгий ящик и наказать зарвавшегося, распустившего язык юнца немедленно. Причём наказать так, чтоб другим неповадно было, чтобы всем без исключения это послужило наглядным и внушительным уроком. И чтобы те, кто, даже несмотря на то, что было до этого, всё ещё сомневались или не до конца уверовали в наличие у неё загадочной, недоступной разумному объяснению, превышающей человеческое понимание силы, дающей ей магическую, непостижимую власть над людьми, которой она пользовалась часто и, видимо, не без удовольствия, – окончательно убедились в том, на что она способна и к чему может привести малейший конфликт с ней...

Всё это мгновенно, вихрем пронеслось в его отуманенном, гаснувшем сознании, когда он, обессиленно привалившись спиной к двери и понемногу сползая вниз, остановившимися,

распахнутыми от ужаса и слезившимися глазами смотрел, как чёрное, непроницаемое дымное облако, разрываемое то тут, то там багровыми огненными всполохами, надвинулось на него вплотную и вскоре накрыло его своей плотной удушающей завесой. После этого он не видел уже ничего, кроме плавно, волнообразно колебавшейся перед ним тёмной, разъедавшей глаза пелены, то и дело прорезаемой, точно грозовая туча молниями, мрачными кроваво-красными вспышками и пронизанной нестерпимым, обжигающим жаром, так что внутренность горящего сарая превратилась в настоящее пекло.

К этому добавлялось мучительное, всё усиливавшееся удушье. Воздуха в сарае уже практически не осталось, и Серёга вдыхал в себя обволакивавшую его со всех сторон горькую тошнотворную гарь, отчего его начало мутить, закружилась голова, потемнело в глазах. А по телу стала разливаться невероятная слабость и изнеможение, заставившие его окончательно сползти на пол и почти без движения, в полуобморочном состоянии, скорчиться у подножия двери, так и оставшейся для него неодолимой преградой, в тупом, безучастном ожидании неизбежного и непоправимого...

В сознание его привело резко и ощутимо коснувшееся его лица горячее, опаляющее дыхание пламени, – оно, не так быстро, как дым, но так же неуклонно и неудержимо распространяясь повсюду, мало-помалу подбиралось к нему. Очнувшись от своего короткого – но едва не превратившегося в вечное – забытья, он, уже не осознанно, а скорее инстинктивно пытаясь хоть немного отстраниться от наступавшего огня, порывисто подался назад и вжался в дверь. При этом он в очередной раз втянул в лёгкие разлитый вокруг тяжёлый удушливый смрад и, начав задыхаться, судорожно дёрнул головой и припал лицом к оказавшейся рядом узкой щели в двери, через которую снаружи пробивался крошечный клочок дневного света и вливалась тоненькая струйка свежего воздуха. Он несколько раз жадно глотнул эту крупницу животворного чистого воздуха и, чуть-чуть отдышавшись и откашлявшись, поднёс к щёлке глаз. И то, что он увидел, – даже несмотря на застилавшую его взор густую серую муть, – заставило его замершее сердце вздрогнуть и радостно заколотиться, а из стеснённой груди исторгло глухой, придушенный стон.

На небольшом, доступном его глазу, пространстве перед сараем стояли люди! Много людей, целая толпа. В основном жители соседних домов, которых он узнал почти сразу же. Разглядел он среди них и нескольких своих приятелей, находившихся ближе всего, в считанных метрах от него. Все они, привлечённые пожаром, с огромным интересом, едва ли не с удовольствием наблюдали это захватывающее, живописное зрелище, переговаривались, покачивали головами, жестикулировали, очевидно обмениваясь впечатлениями от увиденного. Ни у кого, за исключением двух-трёх бабулек, не было на лице ни тревоги, ни участия. Только праздное любопытство и отчасти даже определённое удовлетворение, словно каждый в этой толпе был рад, что горит чужой сарай, а не его собственный.

Хотя, конечно, выражения их лиц, скорее всего, резко изменились бы, если бы они узнали, что в полыхающем, точно гигантский факел, объятom бушующим пламенем и окутанном клубами дыма сарае наглухо, как в мышеловке, заперт его хозяин – задыхающийся в ядовитом чаду, опаляемый подступающим огнём, уже почти утративший надежду на спасение и приготовившийся попрощаться с жизнью. Но они не знали этого и продолжали как ни в чём не бывало любоваться пожаром, достигшим к этому времени наибольшей силы.

Увидев, что он не один, что рядом люди, масса людей, его друзей и соседей, и его отделяет от них только эта проклятая, будто в самом деле заколдованная дверь, к которой он притиснулся, буквально врос всем телом, так как это был единственный и последний уголок в пылающем сарае, каким-то чудом ещё не охваченный огнём, – Серёга, чтобы дать знать о себе, привлечь внимание, показать, что он тут, совсем близко, в двух шагах от них, попытался крикнуть. Однако вместо крика из его широко раскрытого, заполненного дымом рта вырвался лишь чуть слышный обрывающийся хрип, почти сразу перешедший в тяжёлый отхаркивающий кашель.

И тогда, поняв, что никакой более громкий и отчётливый звук из его иссушённой гортани вырваться не сможет и он сейчас сгорит у всех на глазах, но при этом никем не видимый и не слышимый, он, уже цепenea и постепенно отключаясь, из последних сил заколотил в дверь одеревенелыми руками и ногами. И колотил до тех пор, пока совершенно не изнемог и не потерял сознание...

Придя в себя и с усилием приподняв воспалённые, набрякшие веки с обгорелыми ресницами, он увидел, что лежит на траве, вытянувшись во весь рост, не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, точно придавленный к земле каменной плитой. Поведя кругом сухими, будто засыпанными песком, с трудом ворочавшимися глазами, он смутно, как сквозь дымку, различил толпившихся вокруг него, с любопытством разглядывавших его, оживлённо обсуждавших что-то людей, знакомых и незнакомых. А в просветах между их всё время двигавшимися, переходившими с места на место фигурами разглядел свой сарай, едва не ставший для него могилой. Или, вернее, то, что от него осталось, – чёрный обугленный остов, курившийся жидкими серовато-белесыми дымками, возле которого суетилось около десятка пожарных в оранжевых бушлатах и красных касках, щедро поливавших выгоревшие дотла руины мощными шипящими потоками.

А затем его рот наполнился горькой вязкой слюной, отравленные едкой гарью лёгкие вытолкнули наружу трескучий захлёбывающийся кашель, сотрясший всё его тело, глаза помутнели и закатились кверху. Он снова впал в беспамятство и уже не слышал, как минуту спустя его запихнули в карету «скорой помощи» и с пронзительным тревожным воем увезли.

V

Отдохнув и даже вздремнув немного после обеда, Миша, как было условлено с приятелем, вышел вечером из дому и неспешным, размеренным шагом, рассеянно поглядывая кругом – не увидит ли кого-нибудь из знакомых, – направился в дальний конец двора, к Димонову сараю.

Димон, по обыкновению, был на своём посту – на небольшой, покрытой редкой примятой травой лужайке перед сараем, и был занят своим обычным и любимым делом – колдовал над прислонённым к стене велосипедом, доводя его, насколько это вообще было возможно в данном случае, до состояния, близкого к идеальному. На подошедшего и остановившегося рядом товарища он глянул лишь мельком и небрежно кивнул ему.

– А, вот и ты. Чёт поздновато. Я уж думал, не придёшь.

Миша качнул головой.

– Чё это не придут? Договорились же... Просто, как пообедал, прилёг передохнуть малость... Ну и задумался там о всякой всячине. И не заметил, как закимарил.

– И о чём же ты так задумался? – не глядя больше на друга, без особого интереса спросил Димон.

– Да всё о том же – о главной новости дня, – ответил Миша, скользнув взглядом по тёмным, неопрятным старухиным окнам и тяжело нависшему над первым этажом массивному балкону, с которым у него было связано не самое лучшее впечатление прошедшего лета. – Ну и вспомнил заодно всё, что было в эти месяцы.

Димон пренебрежительно скривился.

– Нашёл о чём думать! Это вчерашний день. Было и прошло. И быльём поросло. Это уже не актуально. Сейчас нужно думать о чём-то более насущном.

– Например?

Димон, отвлекшись на миг от велика, с лукавым прищуром взглянул на приятеля и, чуть помедлив, многозначительно произнёс:

– Ну, например, о том, что не даёт тебе покоя в последнее время.

Миша насторожился.

– Ты это о чём?

Димон выразительно шевельнул бровью.

– Да всё о том же. Из-за чего ты такой напряжённый и нервный.

Миша вспыхнул и в первое мгновение не нашёл даже, что сказать. И лишь немного погодя косо зыркнул на собеседника и процедил сквозь зубы:

– А какое тебе дело до того, что не даёт мне покоя? Чё ты вообще привязался ко мне с этим?

Димон, тая в углах губ насмешливую улыбку, пожал плечами.

– Да не кипятись ты. Мне просто интересно. Не более.

Но Миша, ошетинившись и набычившись, как если бы приятель задел его за живое, продолжал сурово и даже несколько агрессивно:

– Интересно за углом. А мои личные дела тебя совершенно не касаются. И никого не касаются. Я же в твои не лезу. А тебе кто дал такое право? Кто тебя уполномочил?

– Ну ладно, ладно, – примирительно, хотя по-прежнему с лёгкой усмешкой, проговорил Димон. – Чё ты распетушился-то? Уже и спросить нельзя ни о чём. Подумаешь, какие мы важные!

Миша, судя по его лицу, хотел сказать напарнику что-то ещё более резкое, но сдержался и, вероятно чтобы не наговорить в сердцах лишнего, отошёл в сторону.

Димон бросил на него саркастический, смеющийся взгляд, после чего, словно тут же забыв о ершистом товарище, вернулся к своему основному занятию – в этот момент он старательно и тщательно, сантиметр за сантиметром, чистил слегка увлажнённой тряпкой серебристый щиток переднего колеса, сверкавший на солнце так, будто он и вправду был из драгоценного металла. Но Димон, то ли всё ещё не вполне удовлетворённый достигнутым, в буквальном смысле блестящим, результатом, то ли просто не в силах остановиться, продолжал истово и рьяно, почти с остервенением, начищать сиявший, до ряби в глазах, щиток.

– Смотри, дыру на нём не протри, – донеслась до него язвительная реплика приятеля, бродившего поблизости и недоброжелательно поглядывавшего на раздразившего его друга.

Димон, точно опасаясь, что, если он продолжит в том же темпе, и впрямь может случиться нечто подобное, или же, скорее всего, просто немного утомившись, оставил наконец отполированный до зеркального блеска щиток в покое, полюбовался им пару секунд и, видимо довольный делом своих рук, утвердительно тряхнул головой и расплылся в улыбке.

– Ну вот, теперь то, что надо, – пробормотал он и, задорно подмигнув приятелю, скрылся в сарае.

Миша хмуро, почти неприязненно посмотрел ему вслед, пробурчал что-то и продолжил, повесив голову и безучастно глядя себе под ноги, бродить под сенью высившихся рядом деревьев. Мысли его опять, как и несколько часов назад, как и во все предшествующие дни, обратились к одному и тому же. Вернее, к одной и той же. Стройной, изящно сложенной белокурой девочке, его ровеснице, с именем таким же красивым, как и она сама, звучавшим, в первую очередь для него, как музыка, – Ариадна. Она каждое лето приезжала к своей бабушке, жившей в жёлтой пятиэтажке на другом конце двора, и Миша встречался и, хотя и не особенно активно, общался с ней и в прошлом, и в позапрошлом году. Она уже тогда, как только он увидел её впервые, обратила на себя его внимание, произвела на него впечатление, понравилась ему. Но не более того. В конце лета она уезжала, и он почти сразу же забывал о ней, отвлекаемый бурной школьной жизнью и другими, не менее яркими увлечениями и связями. Общение между ними ограничивалась не очень регулярной, то и дело надолго прерывавшейся перепиской, носившей несколько формальный, чисто дружеский характер: привет, как дела, что нового и т.д. У неё были периодически сменявшиеся парни, но это совершенно не волно-

вало его и не вызывало ни малейшей ревности – наиболее наглядное свидетельство того, что чего-то большего, чем просто интерес и симпатия, он к ней в тот период не испытывал.

Но этим летом всё круто изменилось. Вероятно, он созрел для первого в своей жизни серьёзного и сильного чувства. У него как будто открылись глаза, и он разглядел то, чего по какой-то непонятной причине не замечал раньше. Увидел, что милая, привлекательная девочка как-то неожиданно превратилась в очаровательную девушку – яркую, ладную, эффектную, от которой трудно было отвести взгляд. И он и не отводил от неё восхищённого, всё сильнее разгоравшегося взора. И его легкомысленное, небрежное отношение к ней улетучилось в один миг, сменившись напряжённым вниманием, повышенным, обострённым интересом ко всему, что она говорила и делала, как вела себя и как относилась к нему, и ещё целым ворохом смутных, путаных чувств, в которых он до сих пор не в состоянии был как следует разобраться. Отдав себе отчёт в происшедшем в нём перевороте, он сразу же начал предпринимать настойчивые попытки к сближению с ней, стал оказывать ей особенные знаки внимания, которые, наверное, не оказывал ещё ни одной девушке до неё. Он, будто невзначай, оказывался там, где была она, то и дело завязывал с ней разговор, пытаясь направить его в нужное русло, изо всех сил, как умел, старался быть интересным и неотразимым.

Однако, несмотря на все усилия, особых успехов не достиг. Большая часть его попыток осталась втуне. Всякий раз он будто натёкался на глухую, холодную стену непонимания и равнодушия. Ариадна словно не замечала его отчаянных потуг понравиться ей и относилась к нему по-прежнему, как к другу. И только. Она говорила с ним не больше, чем с остальными, ровным, ничего не выражавшим голосом, в котором ему чудился холод. Мягко, но упорно пресекала все его попытки остаться с ней наедине, под разными предлогами отказывалась от его предложений сходить куда-нибудь вдвоём, будто подозревала его – в общем, не без оснований – в том, что это лишь предлог для чего-то более серьёзного и далеко идущего. И явно, недвусмысленно демонстрировала тем самым, что ей это ненужно и неинтересно. Эту незаинтересованность, безразличие, прохладцу он ясно читал и в её больших серо-голубых глазах, смотревших на него вполне доброжелательно, с искренней симпатией. Но и только. Больше в её взгляде, иногда, совсем не так часто, как ему хотелось бы, устремлявшемся на него, не было ничего. Ну разве что иной раз мерцавшая в её глазах и отражавшаяся на полных алых губах притушенная, немного загадочная усмешка, значения которой он, как ни старался, не мог угадать. Может быть, – посещала его порой не самая приятная мысль, сильно язвившая его весьма чувствительное самолюбие, – она смеётся над ним?

В конце концов, всесторонне обдумав и проанализировав всё это, он пришёл к закономерному и наиболее логичному, по его мнению, выводу: у неё кто-то был. Только этим можно было правдоподобно объяснить её поведение и отношение к нему. Никак иначе истолковать это было нельзя. У неё был парень! И это, по-видимому, была не одна из тех кратковременных, быстротечных связей, которые были у неё прежде. Теперь, очевидно, всё было всерьёз и надолго. Кто-то полюбил её, кого-то полюбила она, и он явно был тут третий лишний. Его внезапно, как порох, вспыхнувшее чувство оказалось не ко времени и не к месту. Он слишком поздно спохватился. И теперь ему не оставалось ничего, кроме бесплодных сожалений и запоздалых упреков в свой адрес...

– Привет. Слышал новость: Добрая загнулась! – раздался вдруг возле его уха звучный, бодрый голос.

Чуть вздрогнув от неожиданности и мгновенно очнувшись от своих меланхолических дум, Миша поднял голову и взглянул на говорившего – круглолицего русоволосого парня с широко распахнутыми, едва заметно косившими глазами, коротким вздёрнутым носом и слегка оттопыренными ушами, что придавало его простому, открытому лицу бесхитростное, разудалое и несколько глуповатое выражение. Он незамеченным приблизился к задумавшемуся, полностью ушедшему в себя и ничего не видевшему вокруг приятелю и с ходу, точно боясь опоздать,

сообщил ему потрясающую, главную в этот день в их дворе, обсуждавшуюся всеми новость. Причём на его лице была при этом такая радостная, ослепительная улыбка, как будто речь шла не о кончине всем известного, хотя и не очень любимого окружающими человека, а о чём-то в высшей степени приятном и духоподъёмном, скажем, о рождении или свадьбе.

Однако изумить друга горячей вестью ему не удалось. Миша, к его разочарованию, был уже осведомлён об основном дворovém событии. Он пожал плечами и, словно недовольный чем-то, буркнул:

– Знаю. Слышал.

Улыбающийся вестник, поняв, что он немного припозднился со своим сенсационным известием и поразить товарища ему не удастся, слегка умерил свою ничем не мотивированную радость и, протяжно, будто с сожалением, вздохнув, устремил взгляд на мутно-серые, потемневшие от пыли, потрескавшиеся старухины окна в обрамлении допотопных покосившихся рам, напоминавшие незрячие, покрытые бельмами глаза и создававшие впечатление совершенной безжизненности, заброшенности, пустоты, как если бы за ними давно уже не было никакой жизни и хозяйка этой квартиры скончала свои дни не накануне, а в незапамятные времена, и с тех пор жильё пустовало, приходило в упадок, зарастало грязью...

– Вот, значитца, как, – заговорил чуть погодя новоприбывший, видимо не могший, по живости характера, слишком долго хранить молчание. – Померла, значит, старушенция наша, почила. Вот уж не ожидал! Такая ведь вроде крепенькая была, шустрая, живая, даром что старуха. И вдруг на тебе – взяла да и отбросила копыта! Так неожиданно... А я-то, честно говоря, думал, что ведьмы живут вечно... Ну, или, по крайней мере, очень долго, лет этак сто-сто двадцать, – уточнил он с наивной откровенностью и со слегка недоумённым выражением на лице. – И думал, что и наша протянет примерно столько же, если не больше. А она вдруг – того... Даже странно, чё это она так заторопилась...

Миша, ничего не говоря, перевёл взор на приятеля и с чуть заметной усмешкой взглянул на его удивлённо-озадаченную и немного растерянную физиономию, словно он и в самом деле был изумлён и расстроен тем, что Добрая, вопреки его ни на чём не основанным ожиданиям, не прожила положенного ей, на его взгляд, срока и так внезапно покинула этот бранный мир.

– А ещё я слышал, – продолжал он после паузы, понизив голос и придвинувшись к Мише, точно собираясь поведать ему что-то секретное, – что ведьмы обычно помирают очень тяжело, долго, мучительно. Круто плющит их, говорят, перед смертью, просто наизнанку выворачивает. Стонут они, хрипят, воют, как звери. А потом вопить начинают, как резаные. И всё рвутся куда-то, так что держать их приходится. И так до тех пор, пока не испустят дух.

Миша чуть ослабился.

– Ты, я гляжу, крупный спец в этой теме. Такое ощущение, что видел своими глазами, как ведьмы умирают.

– Ну, видеть, конечно, не видел, но слышал кое-что по этому поводу от знающих людей... Но я к чему веду, – оговорился словоохотливый Мишин собеседник, вновь повысив голос и по привычке озарив своё лицо ясной, лучезарной улыбкой. – Наша-то старушонка отошла тихо, спокойно, незаметно. Точно заснула и больше не проснулась. Никто из соседей ничего не слышал, ни звука. Будто и не ведьма она была вовсе, а обычная бабка, как все остальные.

Миша при этих словах, будто вспомнив о чём-то, чуть поморщился и, опять устремив взгляд на померкшие, словно подёрнутые дымкой окна на втором этаже, с сомнением покачал головой.

А его напарник, прервав свои замысловатые рассуждения, после короткого перерыва перешёл к рассказу, – видимо, услышанному от кого-то из соседей по дому, – об обстоятельствах старухиной смерти:

– В последний раз она, говорят, появилась во дворе позавчера вечером. А вчера не показывалась, – видать, уже скрутило. А сегодня утром её соседка, – ну, знаешь, толстая такая тётка

с фиолетовыми волосами, – идёт, значит, по подъезду и видит – дверь старухиной хаты приоткрыта. Она постучалась. Тишина. Тогда приоткрыла дверь пошире и позвала: Авдотья Ефимовна, где вы там? Опять тишина. Она окликнула погромче. Молчок. Как будто нет никого в доме... Ну, тогда она, как рассказывает, почувяла, что дело тут, видно, неладно. Может, чего доброго, ограбили да убили старуху! Ну, те же бывшие Веркины дружки или просто гопота какая приبلудная, мало ли... Хотя это она загнула, конечно, – оборвав себя, хохотнул он. – Чего там грабить в этой нищей халупе? Там, наверно, даже тараканы с голодухи ноги протянули бы...

– Ну а дальше? – спросил Миша, слушавший приятеля с гораздо большим вниманием, чем могло показаться на первый взгляд.

– А-а, ну так вот, подумала она, значит, об этом и побоялась заходить в квартиру, – вдруг, мол, убийцы ещё там и, как свидетельницу, и её порешат за компанию. Решила вызвать ментов... Но любопытство одолело, и она всё-таки вошла. И обнаружила старуху на диване, в гостиной. Холодную, посинелую... ну и так далее... Но без признаков насильственной смерти. Померла, значит, сама, естественным образом... Вот как-то так! – заключил рассказчик и, точно сняв с себя обременявшую его тяжесть, шумно выдохнул.

В этот момент из сарая вышел задержавшийся там Димон и, увидев на лужайке нового гостя, не смолкавший, густо сыпавший слова голос которого он слышал уже несколько минут, приветственно взмахнул рукой с зажатым в ней небольшим разводным ключом.

– Здоров, Макс. Как жизнь молодая?

Макс довольно усмехнулся и качнул головой в направлении старухиных окон.

– Нормас. Уж точно получше, чем у некоторых.

Димон согласно кивнул.

– Да уж, кое у кого дела совсем дрянь.

– Я вот тут как раз рассказывал Мишане, как всё было, – проговорил Макс, приблизившись к двери сарая и чуть опёршись на неё. – Я знаю всё доподлинно, из первых уст, – подслушал утром разговор бабок, тут, у подъезда. Давай и тебе расскажу...

– Не-не, спасибо, – поспешил отказаться Димон, протестуяще вскинув руку. – Я практически всё слышал, что ты здесь вешал.

– А, ну ладно тогда, – несколько разочарованно обронил Макс, видимо, уже собиравшийся вновь во всех подробностях пересказать случайно услышанную им и казавшуюся ему крайне любопытной историю обнаружения мёртвого тела Авдотьи Ефимовны.

Димон подошёл к велосипеду, присел на корточки и подкрутил там какой-то болт, который, впрочем, и без того держался крепко, как и всё на этом ухоженном, образцово-показательном, без сучка и задоринки «железном коне».

Макс, последовавший за приятелем и наблюдавший за его действиями, поинтересовался:

– Это часом не этим ключиком ты Добрую едва не зашиб?

Димон ухмыльнулся и слегка подбросил инструмент на ладони.

– Да нет, конечно. Этот маленький. Им я эту гадюку вряд ли испугал бы. В тот раз, к счастью, у меня был ключик посolidнее. Поувесистее. Только благодаря ему и отбился. – Он чуть улыбнулся мгновенно промелькнувшему перед ним воспоминанию и снова подкинул ключ на руке. – А этим я только насмешил бы её.

Макс мотнул головой.

– Чёт я с трудом представляю её смеющейся. – И, секунду подумав, со вздохом промолвил: – Но всё-таки немного жаль, что она так внезапно опрокинулась. С ней во дворе было как-то веселее...

Лицо Димона вдруг стало серьёзным, даже хмурым. Искося глянув на собеседника, он значительно, с расстановкой произнёс:

– Если б после встречи с ней у тебя была обварена спина, как у Мишки, или переломаны руки, как у Руслана, или если б ты едва не сгорел живьём, как Серёга, я думаю, ты теперь совсем не сожалел бы о безвременной кончине бедной старушки. Скорее наоборот!

Макс, по-видимому вразумлённый тоном и смыслом сказанного товарищем, замялся с ответом и лишь, чуть насупившись, пробормотал:

– Ну да, тоже верно.

Димон же, поднявшись и окинув велосипед критическим, оценивающим взглядом, довольно крякнул и повернулся к друзьям, по привычке ожидавшим от него плана действий на текущий вечер.

– Ну что ж, остальных, думаю, уже не стоит ждать. Никого не видать. Попрытались все куда-то, как крысы.

– Дома сидят, уроки учат, – заметил Макс с натянутой усмешкой. – Летняя лафа закончилась.

– Не все ж такие раздолбаи, как мы, – высказался Миша. – Люди стараются, учатся. После школы в вузы поступят. А мы... – он сделал неопределённый жест. – Наши перспективы очень туманные. В лучшем случае – пэтэуха.

Димон презрительно отмахнулся.

– Поступишь ты в универ, не скули. Не прошлые времена. Сейчас туда всех берут. Последних даунов. Знаю я всю эту кухню, наслышан. Сдаёшь наобум лазаря цэтэшку – и ты студент. В уника ещё несколько лет ваньку валяешь – и ты дипломированный специалист. Всё очень просто. Главное – самому не усложнять себе жизнь.

Миша сардонически прищурился.

– Ну, это уж нам точно не грозит. Что-что, а усложнять мы не любим. Предпочитаем упрощать.

– Ага, это точно! – вставил словцо Макс, по простоте своей не совсем улавливавший, что имеют в виду его более смекалистые друзья, но, даже не понимая, безоговорочно соглашавшийся со всем, что они говорили.

Димон между тем, вскинув голову, взглянул на медленно склонявшееся к закату неяркое, словно уставшее за день солнце, уже коснувшееся крыш соседних домов и озарявшее двор косыми, заметно потускневшими лучами.

– Солнце уже садится, а мы всё торчим здесь без толку и чешем языки, – с неудовольствием отметил он. – Надо срочно сниматься с якоря, а то пропадёт вечер зря. Это ведь последнее погожие деньки, надо пользоваться.

Миша и Макс пожимали плечами и не спешили высказываться, то ли не имея никаких особенных идей на этот счёт, то ли по сложившейся традиции ожидая, что Димон, старший из них, неформальный, но безусловный, общепризнанный лидер их компании, как обычно, первым предложит что-нибудь, что без особых возражений будет принято всеми.

Однако на этот раз, видимо, и у него не было в запасе ничего интересного и оригинального, так как он продолжал допытываться у друзей, переводя взгляд с одного на другого:

– Ну, так куда рванём-то? Какие будут предложения?.. Не тяните резину, пацаны. Время-то идёт, скоро темнеть начнёт.

Макс, закатив глаза кверху, будто отыскивая там ответ на поставленный вопрос, не совсем уверенно промолвил:

– Может... это... на площадь сгоняем?

– Или в крепость, – довольно равнодушно прибавил Миша.

Но Димон, по-видимому, уже принявший – как всегда, самостоятельно – решение и не нуждавшийся больше в советах, которых он только что добивался от приятелей, рубанул воздух ребром ладони.

– Я думаю, лучше всего нам съездить на речку. Есть возражения?

Возражений не было. Миша и Макс молча согласились с Димоновым предложением, немного смахивавшим на приказ, и, исполняя его, немедленно отправились в свой сарай, находившиеся неподалёку, хотя и в разных местах, откуда через пару минут вернулись верхом на велосипедах. Димон, закрывший к этому времени сарай и оседлавший своего «железного коня», едва лишь товарищи приблизились к нему, тронулся с места и, надавив на педали, устремился вон со двора.

Выехав на тротуар, они повернули направо и, никуда больше не сворачивая, один за другим, гуськом, покатали вдоль длинной улицы, напрямиком ведшей к реке. Впереди Димон, непринуждённо и величаво, точно индийский раджа на любимом слоне, восседавший на своём великолепном, ярко поблёскивавшем в лучах заходящего солнца велосипеде и горделиво и небрежно, чуть прищурясь, поглядывавший на пешеходов и проезжавшие мимо автомобили. За ним Макс, со своей всегдашней открытой, простодушной улыбкой, непрерывно вертевший головой кругом, будто впервые видел эти давным-давно и в мельчайших подробностях знакомые ему места, и периодически усиленно, точно боясь отстать от лидера, нажимавший на педали. И, наконец, в хвосте – Миша, по-прежнему безразличный и рассеянный, вновь погружившийся в свои мысли, почти не смотревший вокруг и медленнее всех крутивший педали, в результате чего спутники вскоре заметно обогнали его.

В первой половине пути, пока приятели двигались по довольно людным кварталам, пересекаемым оживлёнными, шумными даже вечером улицами, они ехали по тротуару, на весьма умеренной скорости, старательно объезжая прохожих и притормаживая перед проезжей частью, по которой то и дело с гулом и грохотом, разносившимися далеко окрест, мчались машины, в основном грузовики, поскольку эти периферийные улицы были специально отведены для грузового транспорта.

Но как только эти кварталы, и в конце дня продолжавшие жить бурной, активной жизнью, остались позади и их немолчный шум постепенно заглох в отдалении, друзья тут же свернули с тротуара на опустевшую мостовую и, не сдерживая себя больше ни в скорости, ни в манёврах, принялись развлекаться и дурачиться: гоняться друг за другом, «подрезать» один другого, выделывать разные фокусы и трюки – кто на что был горазд. Димон при этом утратил на время всю свою деланную важность и степенность, Миша невольно отвлёкся от унылых, депрессивных дум, а Макс, самый юный, непосредственный и непоседливый из них, так разошёлся и распалился, что стал оглашать округу громкими ликующими выкриками и пару раз едва не растянулся вместе со своим великом на земле в ходе выполнения особенно сложных и прихотливых номеров, которые он называл «фигурами высшего пилотажа».

Эти весёлые и даже немного экстремальные порой гонки и выкрутасы закончились лишь тогда, когда закончилась, собственно, и сама улица, улёршаяся в конце концов в последний на её протяжении перекрёсток, а затем плавно переходившая в крутой, обрывистый спуск, ведущий к пляжу и берегу реки. Разгорячённые, раскрасневшиеся велосипедисты, кровь которых продолжала бурлить от лихой езды, точно не заметив этого перехода, устремились вперёд. Вначале они двигались с прежней скоростью, затем, когда дорога пошла под уклон, чуть быстрее, потом, по мере того как спуск делался всё круче и отвеснее, ещё и ещё скорее. Уже не нужно было давить на педали – колёса сами крутились с головокружительной быстротой. Велосипеды неслись вниз всё стремительнее, ветер свистел у ездовых в ушах.

И, наконец, даже такие сорви-головы, как Димон и его приятели, сообразили, что скорость явно начинает превышать рамки разумного и что в случае чего-нибудь непредвиденного есть все шансы переломать себе кости. И, поддавшись вдруг властно заговорившему в них чувству самосохранения и не желая искушать судьбу, они, не сговариваясь, почти одновременно нажали на тормоза и остававшуюся, самую небезопасную часть склона проехали неспешно и осторожно.

И, лишь миновав опасный участок и достигнув ровной прямой дорожки, ведшей через раскинувшуюся по обеим её сторонам растительность к пляжу, спутники вновь перестали сдерживать себя и напоследок поддали газу. В несколько мгновений они одолели узкую, обсаженную деревьями и кустами аллею, вихрем вылетели на пляж и поневоле остановились лишь тогда, когда колёса увязли в мелком рыхлом песке неподалёку от берега. Спешившись и прислонив велосипеды один к другому, приятели, довольные, улыбающиеся, ещё немного возбуждённые славной прогулкой на колёсах и особенно высокоскоростным съездом с пригорка, направились к реке, широкая голубоватая, чуть извивавшаяся лента которой, мягко скользя вдоль низких отлогих берегов, поросших там-сям лозняком и осокой, уходила вдаль и терялась в лёгкой сероватой дымке, затянувшей далёкий невидимый горизонт и понемногу густевшей и темневшей в наступающих сумерках.

– А где же люди? – произнёс Димон, достигнув берега и окидывая взглядом пустынный пляж, на всём обширном пространстве которого виднелось лишь несколько разрозненных фигур. – Ведь ещё недавно, когда мы в последний раз купались, здесь была куча народу. Куда все подевались?

– Осень настала, холодно стало, – отозвался Макс, подходя к самой воде и вглядываясь в её невозмутимую мутноватую глубь.

– Какая-то блядь забор обоссала, – автоматически закончил Миша.

Димон криво усмехнулся и заметил:

– Ну, вообще-то не так уж холодно ещё. Во всяком случае, ненамного холоднее, чем в конце августа. Как там вода?

Макс наклонился и несколько раз провёл рукой по поверхности воды.

– Ни то ни сё, – сказал он, распрямляясь и стряхивая с пальцев капли. – Не холодная вроде. Но и не особо тёплая.

Димон поморщился и сам приблизился к воде и окунул в неё руку.

– Тёплая! – авторитетно заявил он и, как бы в подтверждение своего мнения, утвердительно тряхнул головой. Но этого, по-видимому, ему показалось мало, и, дабы придать своему суждению ещё больше веса, он начал стягивать с себя футболку, говоря при этом: – Не парное молоко, конечно, но ничего, сойдёт. Мы не неженки, не девицы красные... А тем более сейчас, когда мы маленько раскочегарились, чуть освежиться нам не помешает.

Тут на несколько секунд его внимание отвлекли две утки, которые подплыли к тому участку берега, где стояли приятели, и, искательно поглядывая на них, исторгли из себя мягкое вкрадчивое кряканье, очевидно рассчитывая на поживу. Но Димон, окончательно разоблачившийся к этому времени и оставшийся в одних плавках, не только не оправдал утиных надежд, но и отреагировал на их появление довольно враждебно.

– Вас ещё тут не хватало, попрошайки, – проворчал он, хмуро глядя на дрейфовавших возле берега, хотя на всякий случай не подплывавших чересчур близко к людям птиц. – Ищите халяву в другом месте.

Но так как утки, вероятно не поняв его, продолжали крутиться невдалеке и прочувствованно крякать, он прибег к более убедительному доводу – поднял с земли достаточно увесистый камень и запустил в недогадливых пернатых. Те, мгновенно всё уяснив, шарахнулись в разные стороны, замахали крыльями и с недовольными хриплыми криками, будто жалуясь, умчались прочь.

Димон же, точно одержав победу, самодовольно улыбнулся и, шагнув к воде, опять потрогал её, на этот раз кончиком ноги. Поёжился, передёрнул плечами, переступил с ноги на ногу и, постояв ещё немного, будто в сомнении, на песчаном, омываемом лёгкой волной берегу, наконец, видимо решившись, резко выдохнул и двинулся – правда, не очень быстро, с короткими остановками – вперёд. Зашёл в воду сначала по колено, затем по пояс, потом по грудь.

После чего обернулся к товарищам, с интересом и с едва заметными усмешками наблюдавшим за ним, и помахал им.

– Порядок! Водичка что надо! Первый сорт, – крикнул он, с трудом сдерживая дрожь в голосе. – Давайте за мной!

Миша и Макс отнеслись к его уверениям и последовавшему затем призыву присоединиться к нему насторожённо. Переглянулись, точно безмолвно советуясь друг с другом, потом зачем-то оглянулись кругом, потоптались на месте, но не сдвинулись с него ни на шаг.

Но приятель не отставал от них.

– Ну чё вы стоите-то, в натуре, как вкопанные? – вопрошал он, ещё энергичнее размахивая рукой. – Мы нафига сюда приехали? На бережке постоять и на речку посмотреть? Раздевайтесь, мать вашу! Не одному ж мне тут плескаться.

Однако Миша и Макс и после этого не выказали особого желания последовать за другом в водную стихию. И, лишь понуждаемые его настойчивыми понуканиями, окриками и насмешками, начали медленно, с явной неохотой раздеваться. Стащив с себя одежду и обувь, они, также не слишком торопливо, приблизились к реке и остановились, не отваживаясь сделать последний, решительный шаг и хмуро глядя на зеленоватую, подёрнутую мелкой рябью воду, тихо плескавшуюся у их ног.

– Ну, чего опять встали, как засватанные? – не унимался Димон, стараясь говорить твёрже, так как холод понемногу проникал в его внутренности, и он, чтобы разогнать кровь, машинально двигал чуть онемевшими конечностями, так что вода стала расходиться вокруг него волнами. – В чём дело? Давайте, вперёд! Окунёмся разок – и всё.

Подгоняемые этими непрекращавшимися нетерпеливыми окликами и понимая, что Димон всё равно не отвяжется от них, пока не добьётся своего, приятели тронулись с места и, морщась, гримасничая и вздрагивая от холода, побрели по мелководью навстречу товарищу, понемногу погружаясь в глубину. Тот, чтобы немного расшевелить и раззадорить их, а заодно и самому чуть согреться, задвигался ещё оживлённее и, едва напарники приблизились к нему, окатил их фонтанами брызг и потоками взбаламученной воды. Они поневоле очнулись и, не желая оставаться в долгу, вдвоём бросились на Димона, стремясь выместить накопившееся против него раздражение и рассчитывая с ним за то, что он, вопреки их воле, настоял-таки на своём и принудил их залезть в давно уже далеко не тёплую воду.

Но одолеть его оказалось не так-то просто. Димон был превосходный пловец, да и вообще крепкий, спортивный и ловкий парень. Он искусным, неуловимым для глаз движением увернулся от напавших на него приятелей и, вновь обдав их градом брызг и усиленно заработав руками и ногами, начал стремительно удаляться от них. А те, вспомнив, с кем они имеют дело, и зная, что так просто, голыми руками его не возьмёшь, с тем большим азартом и ожесточением устремились за ним следом, стремясь во что бы то ни стало настигнуть и схватить его...

Примерно через полчаса, когда багровый солнечный диск окончательно скрылся за верхушками дальних деревьев и на притихшую землю легли густые вечерние тени, друзья, порядочно уставшие, но довольные, бодрые и согревшиеся, выбрались на берег и с удовольствием растянулись на песке. Некоторое время они безмолвствовали, лишь тяжело дышали, отдувались и обменивались игривыми, искрящимися взглядами. Но как только немного отдышались, тут же принялись наперебой обмениваться впечатлениями о весёлых водных процедурах, припоминая их наиболее яркие и забавные эпизоды.

Эти приятные воспоминания прервал, однако, прохладный ветер, прилетевший с другого берега и обдавший влажные, разморенные тела купальщиков своим резким, пронизывающим дыханием. Ощувив его, они не стали медлить и, наскоро стряхнув прилипший к коже песок, одевшись и вскочив на велосипеды, поехали домой.

VI

Во двор спутники вернулись уже в темноте. Макс, вспомнив, что у него есть ещё какое-то дело, попрощался с друзьями и отправился домой. Миша же задержался возле Димонова сарая, ожидая, пока приятель загонит своего «железного коня» в «стойло».

Выйдя из сарая и запирая дверь, Димон с мечтательной улыбкой проговорил:

– Признаюсь, так и подмывало меня сегодня съехать со спуска без тормозов, на полном ходу. Чтоб как на крыльях лететь! И нестись сломя голову до самого берега. И въехать в воду...

– Ключевое слово – сломя голову, – ввернул Миша.

Но Димон, будто не услышав, увлечённо продолжал:

– Вот это действительно был бы самый настоящий высший пилотаж! Не то что наши обычные кривлянья и фокусы, которые любой дурак умеет выделывать. Тут были бы реально сильные, незабываемые ощущения, настоящий драйв...

– Ага, точно, – с иронией заметил Миша. – И, скорее всего, переломанные кости в придачу. А может быть, чего доброго, и проломленный череп.

– Ну, волков бояться – в лес не ходить, – отмахнулся Димон. – Риск, конечно, определённый есть, согласен... Но не такой уж большой, как ты пытаешься тут изобразить. Да и руль я крепко в руках держу. И коняга у меня, сам знаешь, надёжная, не подведёт в опасный момент... Так что в следующий раз, – задорно мигнул он приятелю, – я буду не я, если не сделаю, как задумал. Вот увидишь!

Но Миша, видимо, не убеждённый доводами товарища, по-прежнему был настроен скептически:

– Надеюсь, не увижу. Видеть, как ты разобьёшься, – так себе зрелище. Вспомни Руслана. А тут может быть ещё хуже...

– О, кстати, а как он там? – встрепенулся Димон, мгновенно переключившись на другую тему. – Чёт давно его не видать. С него гипс, наверно ж, сняли уже?

Миша пожал плечами.

– Без понятия. Его как увезли тогда в больницу, так с тех пор ни слуху ни духу.

Димон вдохнул всей грудью чистый, всё более свежевший вечерний воздух и качнул головой.

– Н-да, хорошие мы, однако, кореша, что ни говори. Даже не поинтересовались ни разу, что он там. Не навестили.

– Да, всё как-то недосуг, – зевнув, довольно равнодушно отозвался Миша.

Беседуя, они неспешным, расслабленным шагом удалялись от сарая и вышли на объятую тьмой аллею, тянущуюся вдоль дома, в котором до нынешнего дня проживала их хорошая знакомая, благополучно почившая в бозе Авдотья Ефимовна. В этом же доме и в том же подъезде, только этажом ниже, жил и Руслан.

– А не исправить ли нам это? – внезапно предложил Димон, остановившись напротив входа в подъезд, тускло освещённого маленькой запялённой лампочкой.

– Что исправить? – не понял Миша.

– Ну, давай завернём к нему. Проведаем, так сказать, друга. Выясним, как он там жив-здоров, как чувствует себя.

Миша скривился, не в силах скрыть своё неудовольствие.

– Может, не надо? Поздновато уже, домой пора. Навестим его завтра. Ещё один денёк без нас, я думаю, он как-нибудь вытерпит.

Но Димон, сделав шаг по направлению к подъезду, замотал головой.

– Нет. Надо сейчас зайти. Мы и так слишком долго тянули. Забыли, можно сказать, о товарище. Нехорошо это, некрасиво.

И, не дожидаясь согласия приятеля, он устремился к подъезду и принялся тыкать пальцем в домофон.

Миша был утомлён, никуда больше не хотел идти и думал лишь о том, как бы поскорее добраться до дому и отдохнуть. Однако пересилил себя и, скрипнув зубами и ворча сквозь них что-то не слишком доброжелательное по адресу напарника, поплёлся за ним следом.

Димону тем временем открыли дверь, и он вошёл внутрь, бросая через плечо следовавшему за ним приятелю:

– Мы ж ненадолго, не переживай. На пару минут. Так, чисто для проформы. Чтоб он не думал, что мы позабыли о нём.

Одолев несколько ступенек, они оказались на лестничной площадке первого этажа и остановились перед дверью Руслановой квартиры.

– То-то он обрадуется сейчас, – расплылся в улыбке Димон, протянув руку к звонку.

Миша, по-прежнему не скрывая своего недовольства, хмыкнул.

– Ага, задохнётся от счастья.

Но Димон так и не нажал на звонок. Едва коснувшись его, Димонова рука замерла и медленно опустилась. А сам он, очевидно осенённый какой-то свежей мыслью, обернулся к спутнику и, по привычке чуть сощурился, обратился к нему с новым, ещё более неожиданным предложением:

– А давай-ка заглянем сначала к старухе? А потом уж к Руслану.

Миша изумлённо воззрился на него.

– Чего?!

– Ну, поднимемся туда, к ней, – Димон мотнул головой вверх. – Поглядим, что да как. Минутное дело.

– Зачем? – продолжал недоумевать Миша.

– Да просто так. Посмотрим, проверим. Может, заметим что-нибудь эдакое... – Димон сделал неопределённое движение и заговорщически подмигнул напарнику.

Тот лишь руками развёл.

– Час от часу не легче! То к Руслану прёмся на ночь глядя, то уже у мёртвой бабки какого-то хрена тебе понадобилось.

– Да на минутку, – прежним бравурным, легкомысленным тоном убеждал Димон, приблизившись к лестнице, ведшей наверх. – Одним глазком взглянуть. Туда и обратно. Всего делов-то.

– Знаю я твои минутки, – поморщился Миша. – Застрянешь там на полчаса, если не дольше.

Димон прижал руки к груди.

– Даю честное, благородное слово – на минутку! С места мне сойти, если вру.

– Не понимаю, что ты хочешь там увидеть? – из последних сил упирался Миша. – Запертую и, наверно, уже опломбированную дверь? Офигеть интересное зрелище!

Но Димон, не слушая больше возражений приятеля, уже поднимался по лестнице, по видимому не сомневаясь, что тот и на сей раз последует за ним.

И не ошибся. Постояв немного возле Руслановой двери, Миша вздохнул, сделал раздражённый жест и потянулся вслед за товарищем, мысленно посылая его при этом ко всем чертям.

Узкая, не очень чистая лестница привела их на площадку второго этажа, как и вход в подъезд, скудно озарённую подслеповатой лампочкой, слабый, едва брезживший свет которой падал на двери четырёх расположенных здесь квартир. Друзья остановились перед первой из них – старой, обшарпанной, вероятно не слишком прочной и не очень крепко державшейся на петлях, исполосованной протянувшимися в разных направлениях длинными извилистыми трещинами и исчерченной неизвестно кем оставленными корявыми неразборчивыми надписями или попросту закорючками. Это и была дверь квартиры, в которой прежде обитала весёлая, разгульная пьяница Вера со своим безымянным сожителем, а после их внезапного и необъяснимого исчезновения несколько месяцев прожила странная, так никем до конца и не понятая

и не разгаданная старуха, отошедшая накануне в мир иной и, несмотря на своё сравнительно недолгое пребывание в этом доме, оставившая по себе весьма неоднозначную и двусмысленную, а кое для кого довольно тяжёлую и мрачную память.

И стоявшие сейчас перед входом в её жилище приятели, непонятно для чего явившиеся сюда, были как раз из числа последних. Они некоторое время молча созерцали эту ветхую, облупленную, слегка покривившуюся и чуть осевшую дверь. Димон – с напряжённым вниманием, по обыкновению прищурившись и склонив голову набок, сосредоточенным, изучающим взором, точно сыщик, прибывший на место преступления и методично, скрупулёзно, опытным, намётанным глазом, не упуская ни одной мелочи, ни единой, даже самой ничтожной и незначительной на первый взгляд детали, исследующий его.

Миша же являл собой полную противоположность напарнику – он взирал на старухину дверь совершенно безучастно и рассеянно, со скучающим, сонным выражением, выказывая явные признаки досады и нетерпения. Наконец, широко, протяжно зевнув, он не выдержал и пихнул приятеля локтем в бок.

– Ну всё, посмотрел? А теперь пошли домой. А то я уже с ног валюсь от усталости.

– И нифига тут никакой пломбы нет, – будто не услышав спутника, проговорил Димон, не отводя от двери внимательных сузившихся глаз и чуть покачивая головой.

– Ну, нет и нет. Значит, завтра будет... Пойдём уже, наконец, – и Миша шагнул на одну ступеньку вниз и выжидательно посмотрел на друга.

Однако тот не спешил уходить. Вместо этого он придвинулся ещё ближе к двери и осторожно потрогал пальцами ручку и замок. Потом наклонился и заглянул в замочную скважину. Выпрямился, чуть отстранился и снова качнул головой.

– Так ты идёшь или как? – торопил его Миша, спускаясь ещё на одну ступеньку и нетерпеливо постукивая рукой по перилам.

Димон ничего не сказал, лишь нехотя кивнул и передёрнул плечами. И, постояв ещё секунду возле двери, точно не в силах так просто, без всякого результата покинуть это словно притягивавшее его к себе место, прежде чем уйти, слегка ткнул в неё кулаком.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное для приятелей: под действием Димоннова толчка дверь медленно, с тихим, продолжительным скрипом приотворилась.

Друзья удивлённо уставились на внезапно открывшийся вход в квартиру, оказавшуюся, вопреки их ожиданиям, не только не опломбированной, но даже не запертой, после чего с недоумением переглянулись.

– Это ещё чё за хрень? – нахмурившись, пробормотал Димон. – Это как понимать?

Миша промолчал, так же, как и товарищ, чуть нахмурился и не сводя глаз с неожиданно негаданно растворившейся двери.

Оправившись от удивления, Димон несколько принуждённо усмехнулся, протянул руку к приоткрытой двери и, вновь коснувшись её холодной металлической ручки, промолвил:

– А ты говорил – опломбированная. А её даже запереть забыли.

Миша опять не ответил, чуть заметно пожал плечами и снова, на этот раз немного нервно, стал барабанить пальцами по перилам.

– Это, однако, странно, – с задумчивым видом продолжал Димон, не без любопытства заглядывая в узкую тёмную щель, образовавшуюся между приотворённой дверью и косяком. – Они ведь должны были хотя бы запереть её. А то просто прикрыли и всё. Пожалуйста, заходи и бери что хочешь... Брать тут, конечно, нечего, но всё же... Нет, чепуха какая-то. Ничего не понимаю. А ты?

Миша, по всей видимости, тоже не понимал, да, скорее всего, и не пытался понять. И не переставал стоять на своём:

– Слушай, пойдём домой, а! Поздно уже, у меня глаза слипаются и башка ни черта не варит. Я не в состоянии разгадывать сейчас загадки. Давай отложим это на завтра.

Но у Димона, очевидно, уже созрело какое-то решение, так как, не обращая внимания на Мишины призывы и жалобы, он кивнул на полураскрытую дверь и с тонкой улыбкой на губах взглянул на друга.

– А что, не зайти ли нам, раз уж перед нами так гостеприимно распахнули дверь?

Миша изумлённо и даже отчасти возмущённо вытаращился на него.

– Чё?!

Димон молча кивнул на открывшийся перед ними тёмный провал в дверном проёме и выразительно ухмыльнулся.

– Нафига? Что мы там забыли? – вопрошал Миша.

Димон вскинул бровь.

– Да так, ради интереса. При жизни Авдотья наша Ефимовна вряд ли пригласила б нас в гости. Так мы наведаемся к ней сейчас. Раз уж представился такой случай, грех не воспользоваться.

Миша решительно замотал головой и подался назад.

– Э-э нет, хрена лысого! Это уж слишком. Я туда не пойду. Чего мы там не видели?

Димон придвинулся к нему поближе и, твёрдо, с лёгкой небрежной улыбкой глядя ему в глаза, тихо, но убедительно произнёс:

– Ну чё ты шумишь? Что ты паникуешь раньше времени? Ничего ж тут страшного нету. Зайдём буквально на пару минут, поглядим мельком – и назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.